

LAND of DIVERSITY

ТЭМ

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

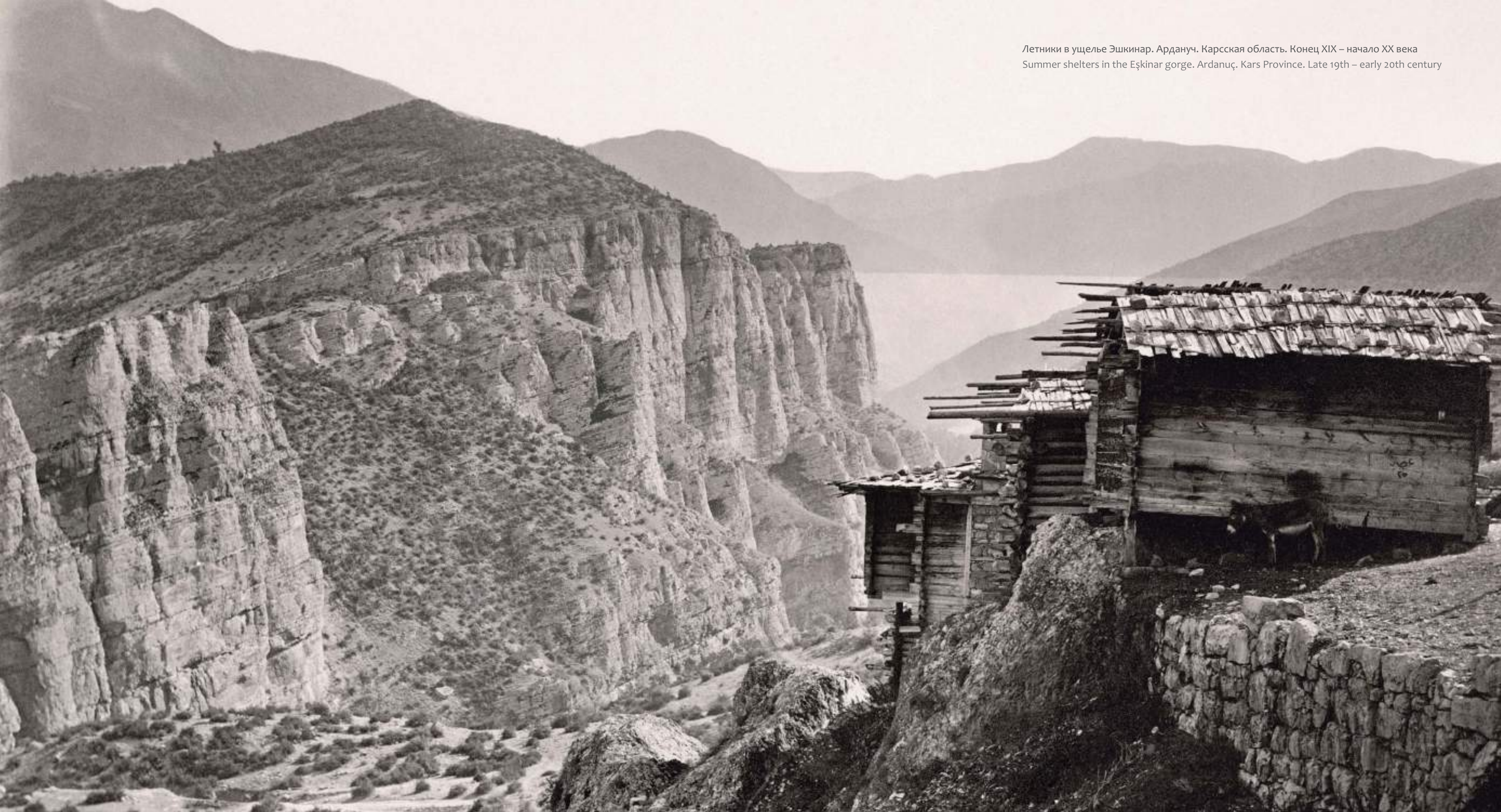
ПЕРЕВАЛЫ ВРЕМЕНИ:
БАТУМИ-КАРС

In the PASSES of TIME:
BATUMI-KARS

Том V / Volume V – 2015

Летники в ущелье Эшкинар. Ардануч. Карсская область. Конец XIX – начало XX века
Summer shelters in the Eşkinar gorge. Ardanuç, Kars Province. Late 19th – early 20th century

Автор идеи и куратор проекта «Разная земля»:
С.С. Сардаров

Idea of the *Land of Diversity* Project originally put forward
by its Curator Sardar S. Sardarov

Организационная и финансовая поддержка проекта:
ООО «ТСН» (Техника специального назначения)

Organizational and financial support of the Project provided
by ООО TSN (Special Purpose Machinery Ltd.)

Альбом «Перевалы времени: Батуми–Карс»
издается в рамках проекта «Разная земля».

The *In the Passes of Time: Batumi–Kars* album is published
within the framework of the *Land of Diversity* Project.

Концепция: Д.А. Баранов, Е.Ю. Гуляева

Concept by D.A. Baranov and Ye.Yu. Guliayeva

Научный редактор: Д.А. Баранов

Science editorship by D.A. Baranov

Авторы: Д.А. Баранов (предисловие, подписи к архивным
фотографиям), Е.Ю. Гуляева (статья, тексты,
подписи к современным и архивным фотографиям);
Е.Ю. Захарова и И.Ш. Абилов (подписи к современным
фотографиям)

Content by D.A. Baranov (Foreword, archival photograph
captions), Ye.Yu. Guliayeva (essay, legends,
contemporary and archival photograph captions),
Ye.Yu. Zakharova and I.Sh. Abilov (contemporary
photographs caption)

Разработка маршрута экспедиции 2014 года:
Е.Ю. Гуляева

The 2014 expedition route worked out
by Ye.Yu. Guliayeva

Фотографы: Е.Ю. Гуляева, Е.Ю. Захарова, И.Ш. Абилов,
Р.Р. Барамидзе

Photographers: Ye.Yu. Guliayeva, Ye.Yu. Zakharova,
I.Sh. Abilov, R.R. Baramidze

Редактор: О.А. Федосеенко

Editor: O.A. Fedoseyenko

Дизайн: Т.Е. Иванова

Designer: T.Ye. Ivanova

Перевод на английский язык: Е.С. Петрова

Translated from the Russian by E.S. Petrova

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2015

© Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, 2015

© С.С. Сардаров, идея проекта, 2015

© S.S. Sardarov, Project Idea, 2015

© Е.Ю. Гуляева, тексты, 2015

© Ye.Yu. Guliayeva, Texts, 2015

© АО «Славия», Санкт-Петербург, 2015

© Slavia, St. Petersburg, 2015

ISBN 978-5-9501-0236-3

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Д.А. Баранов. ПРЕДИСЛОВИЕ 10

D.A. Baranov. FOREWORD 12

Е.Ю. Гуляева. ПЕРЕВАЛЫ ВРЕМЕНИ: БАТУМИ–КАРС 18

Ye.Yu. Gulyaeva. IN THE PASSES OF TIME: BATUMI–KARS 20

Карта маршрута экспедиции 2014 года 24

Route Map of the 2014 Expedition 24

Народы, проживающие по маршруту экспедиции
The peoples living along the expedition route

АДЖАРЦЫ ADJARIANS 29

ЛАЗЫ THE LAZ 89

ГУРДЖИ GURJIS 113

ТЮРКИ TÜRKS 133

ЦЫГАНЕ GYPSIES 189

КУРДЫ KURDS 205

АРМЯНЕ ARMENIANS 223

РУССКИЕ RUSSIANS 265

Группа людей в праздничной одежде. Езиды. Село Гозлуджа (Козлуджа). Карсская область. 1912
A group of people in festive attire. Yazidis. The village of Gozluca (Kozluca). Kars Province. 1912

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Перевалы времени: Батуми–Карс» является очередным, пятым изданием, выполненным в рамках проекта «Разная земля», целью которого является создание визуальных образов культуры народов, живущих в разных природных и историко-культурных условиях, но объединенных одной общей чертой – удаленностью от центров современной цивилизации. В фокусе внимания – человек, осваивающий земные пространства, и тот культурный ландшафт, который он создал с помощью ремесел, промыслов, обрядовых практик и символической интерпретации окружающего мира.

Название «Разная земля» делает акцент на пространственном измерении культуры, которое предполагает путешествие, дающего возможность отстранения – увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего». Поэтому в основе проекта лежит этнографическая экспедиция. Самое интересное в полевых исследованиях – это изучение настоящего, в котором смыкаются прошлое, которого уже нет, и будущее, которого еще нет.

Главной целью проекта является пробуждение интереса к познанию себя и своей культуры, что возможно только через познание «другого» (по Лему, границы человека определяют Другие): прошлых исторических эпох, региональных и этнических традиций, социальных сообществ. Инициирование беспокойства и любопытства в душах людей, далеких от позывов к саморефлексии, является сверхзадачей проекта. Сложность заключается в том, чтобы репрезентация иных культур стала интересной для всех, поэтому авторы старались избегать излишней «экзотизации» других культур – главное, чтобы в Другом человек увидел себя, именно это, по большому счету,

и интересно. Перефразируя Германа Гессе, можно сказать, что в других нам интересно только то, что есть в нас самих, а то, чего нет в нас самих, нас не волнует.

Жанр альбома позволяет акцентировать внимание на наиболее ярких и запоминающихся образах культуры. Старые и современные фотографии с научными комментариями дают возможность каждому совершить путешествия во времени и пространстве, погрузиться в иные культурные контексты, а значит и отстраниться от обыденной повседневности, чтобы увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего».

Объектив фотоаппарата не делает запечатленные образы культуры объективными, поскольку сам процесс фотосъемки всегда есть результат выбора, обусловленного как общим культурным контекстом, так и тем, что наблюдаемая реальность проходит сквозь «фильтр» жизненного опыта, пристрастий, багажа знаний и других личностных характеристик наблюдателя. В этом смысле, фотографии репрезентируют как запечатленные посредством камеры реалии другой культуры, так и культурно обусловленную оптику самого фотографа.

Первый альбом из серии «Разная земля» – «В поисках Беловодья», посвящен презентации локальной культуры алтайских старообрядцев, визуальные образы которой представлены уникальными фотографическими коллекциями Российского этнографического музея первой трети XX века и современными фотографиями, сделанными во время экспедиции. Сопоставление двух временных срезов предоставляет читателю возможность самому определить, насколько изменился как сам современный человек, так и его восприятие,

и есть ли что-то общее, объединяющее людей через несколько поколений. Другой альбом – «В ритме кочевий», повествует об особенностях номадической культуры киргизов. Вертикальные перекочевки, обусловленные адаптацией человека к условиям горных степей, определили удивительную устойчивость во времени многих культурных традиций: занятий, обрядов, верований. Образы культуры хантов и манси, их прошлого и настоящего, представлены в третьей книге – «Две Югры». Архивные и современные фотографии рассказывают о яркой и самобытной культуре, зародившейся много веков назад на громадных пространствах Заполярного Урала, тундры и тайги Западной Сибири. Наконец, с древней культурой народов Памира, сформировавшейся в суровых условиях высокогорья, знакомит читателя четвертый альбом серии – «У подножия неба». Предоставленная на его страницах возможность охватить одним взглядом разные временные срезы культуры заставляет всех нас задуматься о культурных универсалиях, не подвластных времени и пространству.

Настоящее издание – «Перевалы времени: Батуми–Карс», посвящено знакомству с культурными практиками относительно небольшой, но этнически и конфессионально удивительно пестрой приграничной территории, большая часть которой в разное время входила в состав Османской и Российской империй, образуя в последней Батумскую и Карсскую области. Подвижность административных границ, внутренние миграции, поликультурный статус городов, особенности горного ландшафта – эти и другие культурно-исторические и природные факторы способствовали как формированию общих региональных черт в культуре населения, так и кристаллизации различных форм идентичностей: этнической, языковой, конфессиональной, сословной, локальной.

Книгу открывает краткий очерк, повествующий о сложной этнической и политической истории региона, характеризующейся длительным культурным взаимодействием кавказских, тюркских и индоевропейских народов. Визуальные образы территории и ее населения в прошлом представлены этнографиче-

скими фотографиями знаменитого фотографа-ориенталиста Д.И. Ермакова, сделанными им на Кавказе в последней четверти XIX – начале XX века, работами востоковеда А. Лорис-Калантара, в 1912 году командированного на Кавказ Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III (ныне – Российский этнографический музей), а также фотоматериалами неизвестных фотографов второй половины XIX века, часть которых входила в популярные в то время альбомы с видами природы и селений Кавказа, и, наконец, фотографиями, поступившими в архив музея из собраний Музея народов СССР в Москве, Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР и других учреждений.

Современные фотографии сделаны в 2014 году во время экспедиции петербургских кавказоведов Е.Ю. Гуляевой (Российский этнографический музей), Е.Ю. Захаровой (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН) и минского востоковеда И. Абилова (Талышская национальная академия) на территорию бывших Батумской и Карсской областей. В Аджарии консультировал и помогал Р. Барамидзе (Батумский государственный университет). Полевые исследования проводились в окрестностях таких городских центров, как Батуми, Ардаган, Артвин, Карс, Ахалцихе, Ахалкалаки, а также Гюмри (Е.Ю. Гуляева), то есть в тех районах, большая часть которых оказалась запечатленной на архивных фотографиях. Сопоставление этнографических реалий современности и минувшей эпохи позволяет в некоторых случаях говорить о тотальном изменении этнической карты региона, при этом его культурный ландшафт явственно обнаруживает черты преемственности. Этнографические наблюдения участников экспедиции, выдержки из описаний путешественников и исследователей рубежа XIX–XX веков, как и высказывания самих людей, с которыми этнографы вели долгие беседы, выступают здесь в качестве комментариев к фотографиям и создают то многоголосие, которое помогает раскрыть смысловой контекст визуальных образов.

Д.А. Баранов

FOREWORD

In the Passes of Time: Batumi–Kars is the current, fifth publication within the framework of the *Land of Diversity* Project aimed at producing visual images of the cultures of peoples from different environmental, historical and cultural backgrounds with but one feature in common – their location far away from the centres of modern civilization. The focus in the series is on those humans that open up distant lands, settle there and develop them, creating unique cultural environments by means of their traditional crafts, indigenous occupations, ritual practices and symbolic interpretation of the world surrounding them.

The *Land of Diversity* title stresses the spatial dimension of culture, which hinges on travel as a means of distancing the observer and enabling them to see what is native and familiar as something novel and striking, while perceiving the alien through the prism of recognizing in it what is your own. For this reason the *Land of Diversity* Project is based on ethnographic expeditions. The most thrilling thing about field research is the study of the present, which spans the past, already gone by, with the future, which has not ensued as yet. The key goal of the project is to arouse interest in knowing your own self and your own culture, which is only possible through rationalizing “the others” (according to Stanislaw Lem, a person’s confines are determined by “Others”) – such as past historical epochs, regional and ethnic traditions and social communities. The overriding objective of the Project is to stir up anxiety and curiosity in the souls of those who are the least prone to self-reflection. The difficulty consists in making the presentation of other cultures appealing to all, therefore the writers have tried to avoid painting other cultures as excessively exotic – the main

thing is for a person to see one’s own self in “others”, for in the final analysis this is what is really interesting. To paraphrase Hermann Hesse, when we take an interest in somebody, we do so because we are intrigued by the person having something about him/her that we are also endowed with, while their having about them something not shared by us is hardly important to us.

The photographic album genre makes it possible to concentrate attention on the most vivid and memorable images of culture. Old and present-day snapshots in combination with scholarly comments enable anybody to make a journey across time and space and find oneself immersed in entirely different cultural circumstances and consequently to perceive “one’s own” as something novel and unexpected, “while seeing “the alien” though the prism of recognizing it as “one’s own”.

The camera lens does not reflect cultural phenomena with absolute objectivity because the photography process itself is always the result of selection arising both from the general cultural context and from the filtering of the observed reality by the mesh of the photographer’s own experiences, predilections, erudition and other personality traits. In this sense, what photography records is not only the reality of the other country, but also a culture-determined profile of the particular observer.

The first volume in the *Land of Diversity* series was entitled “Searching for Belovodye” is devoted to presenting the Altai Old Believers’ indigenous culture, glimpses of which are provided by the unique photographic collections of the Russian Museum of Ethnography, its respective pictures dating from the first third of the twentieth century, and by an assortment of present-day field

photographs taken by a recent expedition. Comparing the two slices of time, the readers can see for themselves how today’s man (and their perception) has changed and decide whether there is still anything in common that unites people across several generations. One more volume, “Nomadic Rhythms”, is an account of the peculiarities of the Kyrgyz nomadic culture. Those nomads’ vertical seasonal camp relocations caused by a need to adapt to the conditions of the mountainous steppe, have been responsible for the striking steadfastness of the Kyrgyz cultural traditions, including their occupations, ritual practices and beliefs. The cognate culture of the Khanty and the Mansi is visually represented in the third album, “Two Yugras”, in the same series. The historical and present-day photographs give a graphic account of the colourful and highly original culture that came into being centuries upon centuries ago on the vast expanses of the Transpolar Urals and the tundra and taiga of West Siberia. Last but not least, the album titled *At the Foot of Heaven* introduces the reader to the ancient culture of the Pamir peoples, which evolved in the harsh high-mountain environment. This publication provides an integrated insight into a range of cultural strata across time, making us reflect on the universals of culture that defy temporal and spatial dimensions.

In the Passes of Time: Batumi–Kars deals with cultural practices peculiar to a relatively small, but remarkably diverse, ethnically and religiously, border zone, of which the greater part used to belong, during various time periods, to the Ottoman and Russian empires, forming, within the latter, the Batumi and Kars provinces. The trailing boundary lines of administrative division, the in-migrations, the multicultural urban population structure and the peculiarities of the mountain landscape, along with other cultural, historic and environmental factors, contributed not only to the formation of common regional features in the culture of the indigenous population, but also to the crystallization of diverse identities: ethnic, linguistic, religious, social and areal.

The book opens with a brief overview of the region’s involved ethnic and political history marked by the longtime cultural interaction of Caucasus, Turkic, and Indo-European peoples.

The visual images of the region’s landscape and population dating back to the past are represented, firstly, by ethnographic photographs taken by the prominent Orientalist photographer D.I. Yermakov in the Caucasus during the last quarter of the nineteenth and the early twentieth century; secondly, by the works of the Oriental scholar A. Loris-Kalantar, who was dispatched to the Caucasus by the Ethnography Department of the Russian Museum; thirdly, by the photographic materials created by unknown photographers in the latter half of the nineteenth century and included, in part, in the then popular albums featuring places of scenic beauty and views of Caucasus villages; and, finally, by the photographs that entered the Museum’s archives from the collections of the USSR Peoples Museum in Moscow, the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Georgian Soviet Socialist Republic and other repositories.

Present-day photographs were made during the 2014 expedition to the former Batumi and Kars Provinces, which was undertaken by St. Petersburg’s Caucasus researchers Ye.Yu. Guliyeva of the Russian Museum of Ethnography, Ye.Yu. Zakharova of the Russian Academy of Sciences’ Museum of Anthropology and Ethnography, and a Minsk researcher, I.Sh. Abilov, of the Talysh National Academy. Fieldwork was conducted near such urban centres as Batumi, Ardahan, Artvin, Kars, Akhaltsikhe, Akhalkalaki, as well as Gyumri (by Ye.Yu. Guliyeva), i.e. in those particular areas that were widely represented in the archival photographs. In some cases, comparison of ethnographic realities pertaining to the present and past reveals drastic changes in the ethnic map of the region, while the cultural landscape clearly shows traces of continuity. Ethnographic observations made by members of the expedition, excerpts from records by travellers and scholars at the turn of the nineteenth century, as well as evidence from people with whom the ethnographers engaged in long conversations are used in the present book to comment on the photographs and contribute to a polyphony that allows us to bring out the meaning content of the visual images.

D.A. Baranov

Мужской танец. Аджарцы. Окрестности Батума
Male dance. Adjarians. Near Batum

«Пьяцца» – новая площадь в Батуми. Аджария, Грузия
Piazza, a new square in Batumi. Adjara, Georgia

Дом на перекрестке в Батуми. Аджария, Грузия
A house at the crossroads in Batumi. Adjara, Georgia

ПЕРЕВАЛЫ ВРЕМЕНИ: БАТУМИ–КАРС

Кавказ в сознании большинства людей до сих пор сохраняет романтические черты «русского Востока» – загадочной и экзотичной страны. Именно поэтому он всегда вызывал интерес как у путешественников, стремящихся прикоснуться к «восточным тайнам», так и у исследователей, пытавшихся эти тайны разгадать. Сложившаяся в XIX веке и все еще актуальная ориенталистская оптика сформировала образ Кавказа как Границы: природной, этнокультурной, административно-политической. Это в полной мере относится и к относительно небольшой территории юго-западного Кавказа на границе Грузии, Турции и Армении, которая вошла в состав Российской империи после русско-турецкой войны 1877–1878 годов и образовала Батумскую и Карсскую области.

С глубокой древности этот регион был связующим звеном между странами Востока и Запада, становясь ареной как интенсивных культурных взаимодействий и миграционных потоков, так и многочисленных войн. В средние века эти земли принадлежали различным армянским и грузинским княжествам и подвергались завоеваниям тюрок-сельджуков, монголов, иранцев, а с XVI века здесь укрепилась Османская империя. Хитросплетения исторической судьбы этого края сказались на лингвистическом, религиозном и этническом разнообразии населения. Подвижность административно-политической границы и самого населения способствовали неустойчивости и пластичности этнолокальной, конфессиональной, языковой идентичности и одновременно консервации некоторых архаичных форм культуры.

В конце XIX – начале XX века в Батумской области проживали *грузины-мусульмане, лазы, турки* (по поводу которых многие путешественники отмечали, что часть из них все еще говорит по-грузински), *армяне*, а также в меньшем количестве *курды, абхазы, русские, греки* и др. Карсскую область кроме *тюрков* населяли *армяне, курды, греки, терекеме (карапапаху), русские, туркмены, айсоры, осетины, лезгины, эстонцы* и др. Часть жителей была старожилами, а часть переселилась относительно недавно на территории, освобожденные выехавшими в Турцию мусульманами, прежде всего турками. Среди переселенцев

было много армян из турецких областей и некоторое количество из Закавказья, а так же русские сектанты (*духоборы, молокане, прыгуны, субботники*), *езиды (йезиды)* – курдоязычная религиозная группа, подвергавшаяся гонениям у правоверных мусульман. Незадолго до присоединения территорий Батумской и Карсской областей сюда из Анатолии переехала небольшая часть туркмен-*алевитов*, считавшихся сектантами в доминирующем в Турции суннитском обществе и потому перебравшихся подальше от властей на окраину страны. Жили здесь также и выходцы с Северного Кавказа – *мухаджиры* – так называли оставивших родину из-за «надвинувшейся» на Кавказ Российской империи мусульман. Смене состава населения способствовала активная турецкая и российская политика переселения народов.

Природа края во многом определила особенности культурного ландшафта. Причерноморская влажная субтропическая лесная зона с узкими ущельями и немногочисленными широкими долинами сменяется вулканическим плоскогорьем с каньонами, хребтами, межгорными впадинами и с ярко выраженным континентальным климатом. Разнообразие природных зон обусловило и «пространственную» специализацию хозяйственных практик: низменные и относительно теплые места использовались под посевы кукурузы, на плоскогорье выращивали пшеницу, ячмень и рожь и выпасали зимой мелкий и крупный рогатый скот; горы служили летними пастбищами, а в долинах рек располагались сады.

В XIX – начале XX века главными скотоводами считались курды и карапапахы, лучшими садоводами – турки. Туркмены и выходцы с Северного Кавказа занимались разведением лошадей. Торговля была сосредоточена в руках городских армян и евреев. Но в целом хозяйственная специализация народов существовала лишь отчасти, большинство местных жителей занималось и земледелием, и скотоводством. Общность культуры населения прослеживалась в питании, costume, характере поселений и построек, что может свидетельствовать о формировании общих региональных черт.

В XX веке этническая карта края претерпела существенные изменения. Это стало следствием целого ряда драматических событий XX века: политики суннизации и туркизации в Османской империи и Турецкой республике, русификации в Российской империи и СССР; Первой мировой войны; геноцида армян 1915–1923 годов; оттока греков в Грецию, а «греческих» тюрков в Турцию; распада Османской и Российской империй; проведения новых границ между Турцией и Закавказскими республиками в 1921 году (в итоге только Батумский округ Батумской области оказался за пределами территории Турции и впоследствии стал Аджарской АССР в составе Грузии); возникновения «курдского вопроса»; сталинских депортаций *месхетинских тюрков, курдов* и *хемшин*, живших вдоль советско-турецкой границы; территориальных претензий СССР к Турции, существовавших до 1953 года; наконец, распада СССР и образования новых государств в Закавказье, сопровождавшегося экономическим упадком, гражданскими войнами и этническими конфликтами.

В 2014 году участниками экспедиции¹ были исследованы сельские территории семи городов: турецких Карса, Ардагана, Артвина, грузинских Батуми, Ахалцихе, Ахалкалаки и армянского Гюмри (бывший Александрополь и Ленинакан)². В ходе экспедиции удалось побывать у аджарцев, лазов, гурджи (грузин-мусульман Турции), «местных» (сельского туркоязычного суннитского населения), терекеме, туркмен, азери, цыган-лом (поша), курдов, хемшин, армян, а также у русских Турции и в русских селах Грузии.

Аджарцы и гурджи говорят на диалектах грузинского языка, а язык лазов относится к другой (занской) группе этой же ветви языков. В XIX веке аджарцы, лазы и гурджи были мусульманами-суннитами. В настоящее время ситуация поменялась в Аджарии, после официального атеизма советского времени и грузинского православного возрождения последних лет ислам держит крепкие позиции лишь в Горной Аджарии. На территориях близких к Батуми старшее поколение отчасти продолжает себя считать мусульманами, а среднее и младшее крестится и строит церкви, возвращаясь, по их словам, к вере предков.

К индоевропейской семье языков, но к разным группам относятся русский, курдский и армянский. Армяне составляют

большинство жителей Ахалцихе и Ахалкалаки (края Самцхе-Джавахети Грузии): преимущественно это потомки армян-переселенцев из Турции, в частности Карса, где армян почти не осталось. Среди них есть армяне-прихожане Армянской Апостольской церкви и католики, которых на Кавказе называют франками. Мусульманами являются армяноязычные хемшины, проживающие в Турции. Армяне – жители северо-западной части Ширакской области Армении – являются переселенцами конца 1980-х – начала 1990-х годов из Грузии. Они заселили села – оставленные азербайджанцами в результате начала Карабахского конфликта.

Русских сектантов и православных в этой части Турции мало – большинство уехало в 1960–1970-е годы в Северную Америку, а часть разбросана по городам страны. В Грузии также значительная часть русских молокан и духоборов покинула районы компактного проживания в 1990-е годы.

На землях бывшей Карсской области курды-сунниты составляют большинство населения, а езиды уехали. В исследованном регионе проживают также различные тюркоязычные группы: турки (суннитское, преимущественно городское население), «местные» (суннитское, преимущественно сельское население), азери (шииты), туркмены (алевиты); ахалцихские турки (в советской и постсоветской традиции – месхетинские турки, сунниты), терекеме (сунниты и шииты). Старшее поколение названных групп использует местные говоры, а молодежь, имеющая высшее образование, переходит на стамбульский говор турецкого языка.

Несмотря на все пережитые краем потрясения, следствием которых явились подвижность границ, «текучесть» народов, пластичность идентичностей, до сегодняшнего дня продолжает сохраняться культурное пространство, устойчивость во времени которого обусловили общие вехи исторических судеб и длительное культурное, языковое, конфессиональное, экономическое взаимодействия. Опыт этнографического наблюдения показывает, что подобная пестрота этого пространства оказывается залогом непрерывности диалога культур – диалога, без которого немислимо существование ни одного народа на карте «разной земли».

Е.Ю. Гуляева

¹ Экспедицию удалось осуществить благодаря финансовой поддержке С.С. Сардарова.

² Следует заметить, что последние три города не входили в состав Батумской и Карсской областей, но без учета этих территорий сложно продемонстрировать судьбу жителей этих областей.

In the PASSES of TIME : BATUMI–KARS

The Caucasus, in the eyes of many, still retains the romantic features of “the Russian Orient”, an enigmatic and exotic land. It has always attracted, if only for this reason alone, both travellers wishing to experience “Oriental mysteries” and researchers seeking to unravel the latter. The Orientalist view, which evolved in the nineteenth century and is still relevant today, has shaped the image of the Caucasus as that of a Boundary: environmental, ethnocultural, administrative and political. This is especially true of a relatively small area in the southwestern Caucasus, at the junction of Georgia, Turkey and Armenia, which was merged in the Russian Empire following the Russo-Turkish War of 1877–78 to form the Batumi and Kars Provinces.

From remote antiquity the region has served as a link between the countries of the East and West, turning into a scene of brisk cultural interaction, migration flows and numerous military conflicts. During the Middle Ages those lands belonged to diverse Armenian and Georgian principalities and were conquered by the Seljuk Turks, Mongols and Iranians until the Ottoman Empire established a firm foothold there. The cobwebs of local history have left an imprint on the linguistic, religious and ethnic diversity of the population. The trailing boundary lines of the administrative and political division, as well as those of the population patterns determined a changeable and adaptive quality of the local ethnic, religious and linguistic identities while ensuring the conservation of some archaic forms of culture.

In the late nineteenth and early twentieth century the Batumi Province was inhabited by the Muslim Georgians, the Laz, the Turks (part of whom, many travellers noticed, spoke Georgian regardless), the Armenians, and, in lesser numbers, the Kurds, Abkhazians, Russians, Greeks, etc. The Kars Province was inhabited, along with the Turks, by Armenians, Kurds, Greeks, the Terekeme (Karapapahs), Russians, Turkmens, Aysors, Ossetians, Lezgins, Estonians, etc. The residents were partly old-timers and partly incomers, who had relatively recently settled on the territory vacated by large numbers

of Muslims, mostly ethnic Turks, who had emigrated to Turkey. The new residents included a large number of Armenians from Turk-inhabited areas and a smaller group from Transcaucasia, as well as Russian secterians (e.g. Dukhobors [‘Spirit Wrestlers’], Molokans, Jumpers, and Subbotniks), and Yazidis, members of a Kurdish-speaking religious community persecuted by Muslims of Islamic guidance. Shortly before the annexation of the Batumi and Kars Provinces, a small group of Alevi Turkmens hived off from Anatolia, Turkey: regarded as sectarians in the predominantly Sunni community, they had chosen to move to a remote locality far away from the powers that be. Settling here were also *muhajirs*, i.e. Muslim natives of the Northern Caucasus who had fled their homeland fearing the “advancing” Russian Empire. Changes in the population pattern were due to Turkey’s and Russia’s active displacement policy.

The region’s natural environment largely determined its cultural landscape. The humid subtropical forest zone on the Black Sea coast, with its narrow gorges and sparse broad valleys, changes into a volcanic plateau with canyons, mountain ridges, intramountain troughs and an uncompromisingly continental climate. The diversity of natural zones determined also the spatial specialization in agricultural practices: the relatively warm lowlands were used for maize growing, the plateau, for wheat, barley and rye growing, as well as livestock grazing during winter; the mountains served as summer pastures, and the river valleys were suited to orchading.

At the turn of the twentieth century the Kurds and Karapapahs were regarded as the best cattle-breeders and the Turks, as the best fruit-growers. The Turkmens and natives of the Northern Caucasus were horse-breeders. Commerce was the domain of urban Armenians and Jews. On the whole, however, the economic specialization across the ethnicities was far from rigid, as most of the local residents engaged in both crop farming and cattle breeding, staying in villages during winter and on summer pastures called *yayla* during summer. Cultural similarities were evident in

the food, costume, settlement patterns and structures, attesting to the formation of shared regional features in the cultures of diverse peoples.

In the twentieth century the ethnic map of the region underwent drastic changes due to a large number of dramatic events: the Sunnisation policy pursued by the Ottoman Empire and the Turkish Republic and the Russification policy pursued by the Russian Empire and the USSR, World War I, genocide against the Armenians in 1915–23, the outflow of the Greeks to Greece and that of the Turks therefrom, the collapse of the Ottoman and Russian Empires, the revision of the borders between Turkey and Transcaucasian republics in 1921 (it was only the Batumi *okrug* of the Batumi Province that happened to lie beyond the boundaries of Turkey, subsequently becoming the Adjarian Soviet Socialist Republic within Georgia); the emergence of the so-called “Kurdish issue”; Stalin’s deportations of the Meskhetian Turks, Kurds and Hemshins living along the Soviet-Turkish border; the Soviet Union’s territorial claims on Turkey maintained until 1953; and, finally, the breakup of the Soviet Union and the formation of new Transcaucasian states accompanied by economic recession, civil wars and interethnic conflicts.

In 2014 the members of the expedition¹ investigated the rural areas adjacent to seven towns: Turkey’s Kars, Ardahan and Artvin, Georgia’s Batumi, Akhaltsikhe and Akhalkalaki and Armenia’s Gyumri (the former Alexandropol and Leninakan)². The expedition succeeded in visiting Adjarians, the Laz, Gurjis (i.e. Turkish Muslim Georgians), the “natives” (i.e. rural Turkic-speaking Sunni population), Terekeme, Turkmens, Azeris, Lom Gypsies (Posha), Kurds, Hemshins, Armenians, as well as Russians living in Turkey and in Georgia’s former Russian villages.

The Adjarians and Gurjis are speakers of Georgian dialects whereas the language of the Laz belongs to another branch (the Zan branch) of the same group. In the nineteenth century the Adjarians, the Laz and the Gurjis were Sunni Muslims. Today, the situation in Adjaria has changed; following the state-imposed atheism of the Soviet era and the recent Georgian Orthodox revival it is only in Mountainous Adjaria that Islam is still firmly established. In the vicinity of Batumi part of the elderly people still think of themselves as Muslims, while the middle-aged and young people get baptized and build churches, returning, as they say, to the faith of their ancestors.

¹ The expedition was made possible owing to the financial support provided by S.S. Sardarov.

² It should be noted that, although the latter three towns were not part of the Batumi and Kars Provinces, they should be taken into account if we are to trace the destiny of the peoples inhabiting the provinces mentioned.

The Russian, Kurdish and Armenian languages belong to different groups of the Indo-European family. Armenians account for the majority of the population in Akhaltsikhe and Akhalkalaki (Georgia’s Samtskhe-Djavakheti); they are mostly descendants of the Armenian migrants from Turkey, in particular from Kars, where there are practically no Armenians left today. They include members of the Armenian Apostolic Church and Roman Catholics, referred to as Franks in the Caucasus. The Armenian-speaking Hemshins living in Turkey are Muslims. The Armenians inhabiting the northwestern part of Armenia’s Shirak Province migrated from Georgia during the late 1980s and the early 1990s. The settled in the villages abandoned by Azerbaijanis following the outbreak of the Karabakh conflict.

Russian sectarians and practitioners of the Russian Orthodox faith are few in this part of Turkey, for they mostly emigrated to North America in the 1960s–70s and are partly scattered across the local towns. In the parts of Georgia covered by this investigation there used to be densely populated areas inhabited by Molokans and Spirit-Wrestlers, the latter practically missing from this area today, as many emigrated in the 1990s.

In what used to be the Kars Province, Sunni Kurds account for the majority of the population, the Yasidis being migrants. Other inhabitants of the region investigated also make up various Turkic-speaking groups: the Turks (predominantly urban Sunni population), the “natives” (predominantly rural Sunni population), the Azeri (Shi’ites), the Turkmens (Alevis), the Akhaltsikhe (Ahiska) Turks (in the Soviet and post-Soviet parlance the Meskhetian Turks, who are Sunnites), and the Terekeme (Sunnites and Shi’ites). Members of the older generation in the aforementioned communities speak local dialects, while young people with a higher education are switching to the Istanbul Turkish.

Although the region investigated suffered a lot of upheavals that resulted in trailing boundary lines, fluctuation of the populace and plasticity of identities, it still remains a cultural space, whose stability in time has been determined by the common historic points of reference and age-old cultural, linguistic, religious and economic contacts. The experience of ethnographic observation shows that the lack of uniformity within this space ensures the continuity of cultural dialogue, a dialogue crucial to the existence of any community on the map of the Land of Diversity.

ПЕРЕВАЛЫ ВРЕМЕНИ: БАТУМИ-КАРС

In the PASSES of TIME: BATUMI-KARS

ЭКСПЕДИЦИЯ · 2014 · EXPEDITION

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Батуми
Batumi

р. Аджарисцкали
Adjaristskali River

Ахалцихе
Akhaltsikhe

Ахалкалаки
Akhalcalaki

оз. Паравани
Lake Paravani

Артвин
Artvin

р. Чорох
Çoruh River

Ардаган
Ardahan

р. Кура
Kura River

оз. Чилдыр
Lake Çildir

Гюмри
Gyumri

Карс
Kars

р. Карс
Kars River

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

РЕСПУБЛИКА
АРМЕНИЯ

REPUBLIC of
ARMENIA

АДЖАРЦЫ ADJARIANS

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Батуми
Batumi

1
2
3

4
5
6
7
8
9

10

Зундага	1	Zundaga
Бзубзу	2	Bzubzu
Чикунети	3	Chikuneti
Зортикели	4	Zortikheli
Кикибо	5	Kikibo
Горджоми	6	Gorjomi
Мекеидзееби	7	Mekeidzeebi
Дидачара	8	Didachara
Хуло	9	Khulo
Кватиа	10	Kvatia

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC OF TURKEY

Жители всей этой местности (аджарцы. – Е.Г.) исповедуют ныне ислам и принимаются часто за турок, что совершенно ошибочно, так как это чисто грузинское племя, долго остававшееся во владении Турции и принявшее магометанство только с 1626 года. Турецкий язык употребляется ими наравне с грузинским, обучаются они ему в медресе, содержимых каждой мечетью, и потому вовсе неизвестен женщинам и маленьким детям. Грузины эти, забыв совершенно веру отцов, сами называют себя гурджами и гордятся чистотою своего грузинского говора.

Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. М., 1891. С. 202.

The inhabitants of this area (i.e. Adjarians. – Ye. G.), who practice Islam today, are often taken for Turks, which is completely erroneous, for they are a purely Georgian tribe that had a long period of domination by Turkey and did not adopt the Mohammedan faith until 1626. Besides Georgian, they are fluent in Turkish, which is taught at a madrasah run by every mosque and therefore remains unknown to women and small children. These Georgians, totally oblivious of their forefathers' faith, call themselves the Gurji and take pride in the purity of their Georgian speech.

P.S. Uvarova. *Caucasus. Abkhazia, Adjaria, Shavshetia, Poskhovsky Tract*. Travel Notes. Moscow, 1891. P. 202.

Городской базар. Батум. 1888
Town market. Batum. 1888

Морской порт. Батум. 1888
Sea port. Batum. 1888

...между нивами, садами
...flanked by fields, orchards

Аджарцы живут в деревнях, раскинутых иногда на большие пространства и состоящих из отдельных домов (по здешнему – дымов), расположенных между нивами, садами и огородами. Живут они большими очень семьями, женятся рано, держат женщин под запором, но только в редких случаях пользуются правом многоженства.
Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. М., 1891. С. 205, 206.

Adjarians live in villages, often sprawling and consisting of separate households (locally called *dymy*) flanked by fields, orchards and kitchen gardens. They have very large families, marry young, keep their women in seclusion, rarely if ever using their right of polygamy.
P.S. Uvarova. *Caucasus. Abkhazia, Adjaria, Shavshetia, Poskhovsky Tract. Travel Notes. Moscow, 1891. Pp. 205, 206.*

Село Горджоми. Аджария, Грузия
The village of Gorjomi. Adjaria, Georgia

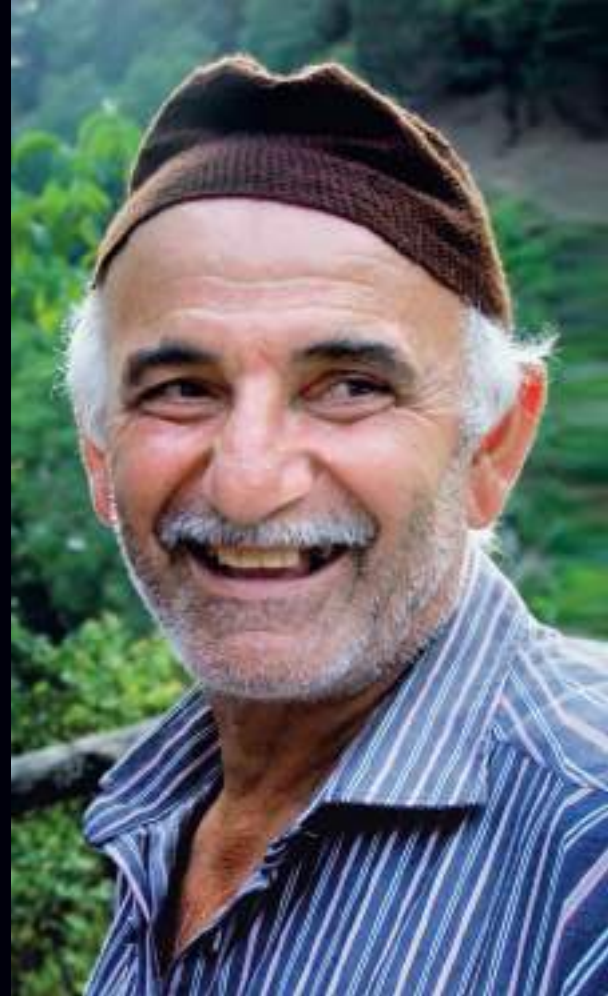

Житель села Дидачара с семьей и соседом у стены своего дома, в котором проживало пять поколений его семьи. В настоящее время он с женой-украинкой постоянно проживает на Украине и приезжает в родные места только на лето. Аджария, Грузия

A native of the village of Didachara with his family and a neighbour by the wall of his house, where five generations of his family lived. At present he and his Ukrainian wife live in Ukraine on a permanent basis and only visit his birthplace during summer. Adjara, Georgia

Мужчины села Горджоми в пятницу собираются вблизи мечети и обсуждают последние новости. Аджария, Грузия
Male inhabitants of the village of Gorjomi gather near the mosque every Friday to discuss the latest news. Adjara, Georgia

Мужчина в бурке. Батумская область. 1891
A man wearing a fur cloak. Batum Province. 1891

Группа мужчин с оружием. Батумская область. Конец XIX – начало XX века
A group of men carrying weapons. Batum Province. Late 19th – early 20th century

Мужчина на мостике из бревен. Батумская область. Конец XIX – начало XX века

A man on a log footbridge. Batum Province. Late 19th – early 20th century

Мужчина с рамой. Батумская область. Конец XIX – начало XX века

A man with a frame. Batum Province. Late 19th – early 20th century

...было принято
...it used to be

Село Дидачара. Аджария, Грузия
Раньше было принято, чтобы женщины скрывали лица от посторонних, но не от односельчан, которые посторонними не считались.

The village of Didachara.
Adjara, Georgia
It used to be common for women to cover their faces when in public, albeit not in the presence of their fellow villagers, who were not regarded as strangers.

После разговора о том, как раньше одевались в селе женщины, нам продемонстрировали этот наряд.

After a talk about what village women used to wear in olden days, we were shown this attire.

Сельские жители. Окрестности Батума. Конец XIX – начало XX века
Villagers. Near Batum. Late 19th – early 20th century

Каменщики за изготовлением мельничного жернова. Конец XIX – начало XX века
Stonemasons hewing a millstone. Late 19th – early 20th century

Точильщики ножей.
Окрестности Батума.
1878

Knife-grinders.
Near Batum. 1878

Группа мужчин.
Окрестности Батума.
Конец XIX – начало
XX века

A group of men.
Near Batum.
Late 19th – early
20th century

Амбары Османа Бекир-оглы. Село Капрешуми.
Окрестности Батума. Конец XIX – начало XX века
Во время пребывания в составе Османской империи местное население приняло турецкую форму имен с окончаниями на -оглы, сохранив одновременно и грузинские фамилии.

The barns of Osman Bekir-ogly. The village of Kapreshumi.
Near Batum. Late 19th – early 20th century
During their domination by the Ottoman Empire, the local people adopted Turkish-style names ending in -ogly, while keeping Georgian surnames.

Амбар Юсуфа Балта-оглы. Село Капрешуми. Окрестности Батума. Конец XIX – начало XX века
The barn of Yusuf Balta-ogly. The village of Kapreshumi. Near Batum. Late 19th – early 20th century

Дом Османа Бекир-оглы.
Капрешуми. Окрестности
Батума. Конец XIX –
начало XX века

The house of Osman
Bekir-ogly. The village of
Kapreshumi. Near Batum.
Late 19th – early 20th
century

Терраса дома в деревне
Зундага. Аджария, Грузия
В настоящее время многие
дома используются
как дачи.

Terrace of a house
in the village of Zundaga.
Adjaria, Georgia
At present many houses
are used as summer
homes.

Дом в деревне Бзубзу. Аджария, Грузия
A house in the village of Bzubzu. Adjaria, Georgia

Бадри Вердзадзе с сыновьями. Деревня Зундага. Аджария, Грузия. Дом построен в 1870-х годах. Прапрадед хозяина был муфтием Аджарии, и в этом доме проходили важные общественные собрания.

Badri Verdzadze with his sons. The village of Zundaga. Adjara, Georgia. The house was built in the 1870s. The owner's great-great-grandfather was the mufti of Adjara, therefore important public meetings were held in this house.

Кухня в доме Бадри Вердзадзе. Деревня Зундага. Аджария, Грузия
The kitchen in the house of Badri Verdzadze. The village of Zundaga. Adjara, Georgia

Мальчик на санках.
Деревня Кватиа.
Аджария, Грузия

A boy on a sledge.
The village of Kvatia.
Adjaria, Georgia

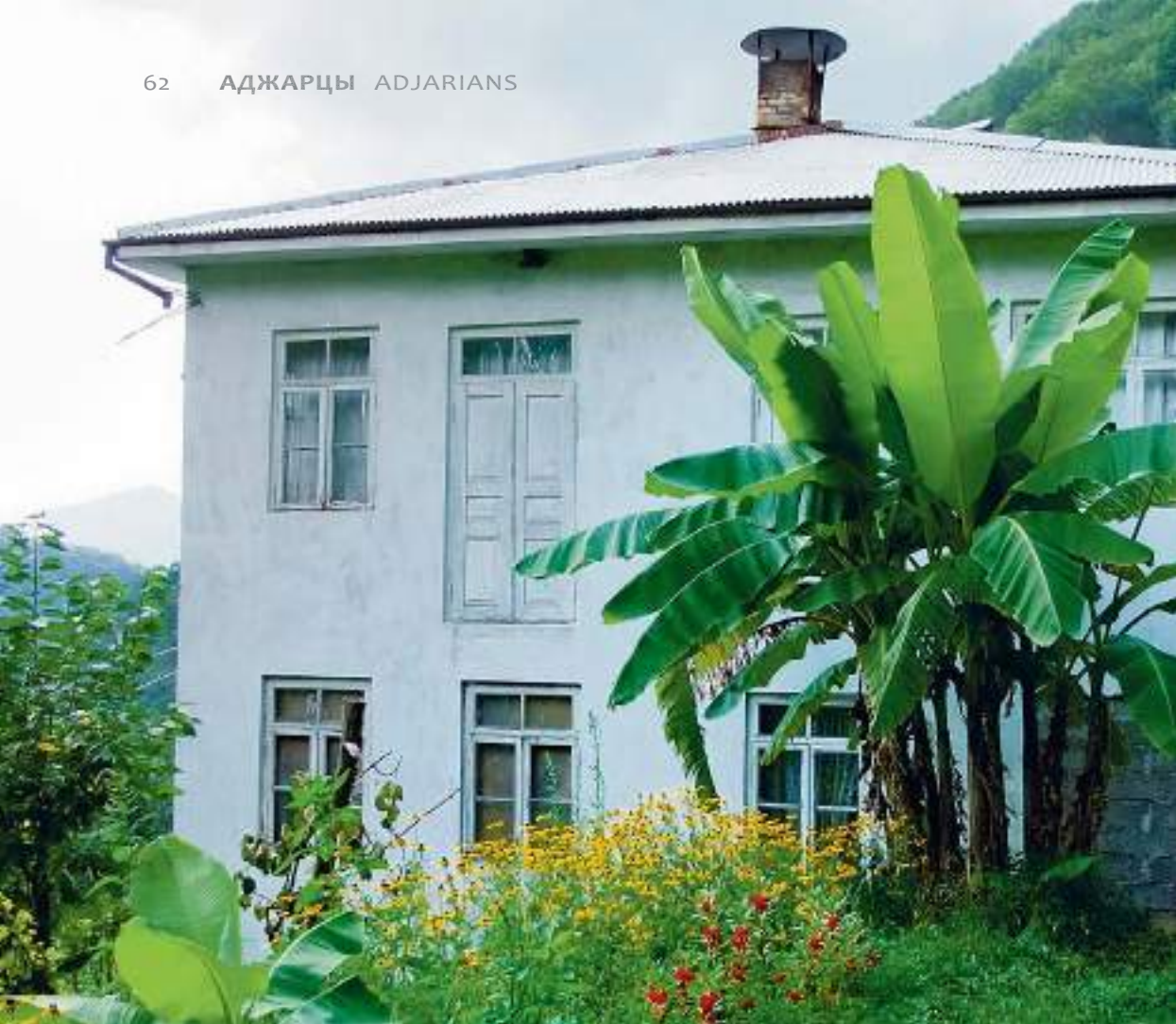

Многоотраслевой магазин, платежный терминал и пивной бар в деревне Дидачара. Аджария, Грузия

General store, payment terminal and pub in the village of Didachara. Adjaria, Georgia

Деревня Бзубзу. Аджария, Грузия
The village of Bzubzu. Adjara, Georgia

Деревня Бзубзу. Аджария, Грузия
The village of Bzubzu. Adjara, Georgia

Хозяева дома сначала накрыли стол во дворе, но, посоветовавшись, перенесли застолье в дом, поскольку счастливая нога гостя должна переступить порог.

The hosts first laid the table outside, but upon some deliberation transferred the feast indoors for the guest's lucky foot to cross the threshold.

Девушка обваривает листья пхали. В Аджарии говорят: где растет пхали, там живут аджарцы.

Girl scalding pkhali leaves. As they say in Adjara, Adjarians live where pkhali grows.

Деревня Горджоми. Аджария, Грузия

The village of Gorjomi. Adjara, Georgia

Сушка табака
на кукурузнике.
Первая половина
XX века

Drying tobacco
on a maize shed.
20th century (first half)

Кукурузник и курятник.
Деревня Зундага.
Аджария, Грузия

A maize shed and
a hen house. The village of
Zundaga. Adjara, Georgia

Пятничный намаз.
Деревня Горджоми.
Аджария, Грузия

Friday prayer.
The village of Gorjomi.
Adjara, Georgia

...похоронный обряд
...the funeral rites

Похоронный обряд начался с омовения покойной, после чего ее тело обернули в саван, занесли в дом, где по периметру четырех стен в траурной одежде сидели женщины общины (видимо, потому что хоронили именно женщину). Имам и ближайшие родственники читали над телом молитву. Далее тело покойной уложили на носилки-табут и мужчины, сменяя друг друга, понесли его на кладбище. Женщины остались дома. Не заходя на кладбище, носилки поставили на подставку так, чтобы голова покойной была обращена к Каабе. Далее последовал дженазе намаз. Перед молитвой имам спросил у собравшихся (это делается не на арабском, а на языке, понятном для собравшихся), остались ли у покойной долги, была ли она с кем-то в споре, прощают ли ее собравшиеся. В данном случае имам спрашивал, а собравшиеся отвечали на турецком языке. При этом если сам имам говорил по-турецки сносно, то собравшиеся в подавляющем большинстве совершенно его не знали. По сведениям жителей деревни, грузины-мусульмане зачастую проводят церемониал на грузинском языке, но некоторые пожилые имамы проводят обряд на турецком. После молитвы дженазе тело похоронили на близлежащем сельском кладбище.

The funeral rites began with the bathing of the dead woman's body, which was then wrapped in a shroud and carried into the house, where the women of the community (perhaps because the deceased was a woman), in mourning clothes, sat along the four walls. The imam and members of the immediate family said prayers over the body. After that the body was placed on a *tabut* stretcher and the men took turns carrying it to the cemetery, the women staying at home. Without entering the cemetery, the bearers placed the stretcher on a pedestal, with the corpse's head facing the Kaaba. Then followed the Janaze namaz. Before the prayer the imam had inquired (this is done in a language comprehensible to the bereaved rather than in Arabic) whether the deceased had been in debt, whether she had been free and clear from disputes and whether all those present forgave her. At this point, the imam was asking, and the bereaved answering, his questions in Turkish. While the imam himself spoke passable Turkish, most of the mourners were totally ignorant of it. According to the villagers, Muslim Georgians often conduct the ceremony in Georgian, whereas some elderly imams perform the rites in Turkish. Following the Janazah prayer, the body was buried in the local cemetery.

Похороны в селе Мекеидзееби. Аджария, Грузия
Funeral in the village of Mekeidzeebi. Adjara, Georgia

Женщины на оплакивании закрывали лица перед фотографом.

The mourning women were covering their faces before the photographer.

Похороны в селе Мекеидзееби. Аджария, Грузия

Funeral in the village of Mekeidzeebi. Adjara, Georgia

Дорога на яйлу Кикибо. Аджария, Грузия
The road to the Kikibo yayla. Adjara, Georgia

...особые жилища «летники»

...described as *letniki*
[i.e. summer shelters]

Батумские жители на лето покидают жилища и перебираются в горы. (...) В горах устроены особые жилища «летники», которые представляют собой крайне грубо сложенные сараи; в них часто и животные и люди помещаются вместе, в особенности у бедных людей.
Френкель А. Очерки Чурук-су и Батума. Тифлис, 1879. С. 61, 62.

Inhabitants of Batum leave their homes in the summertime and move to the mountains. [...] There are specific kinds of dwellings in the mountains, described as *letniki* [i.e. summer shelters], very crudely built stone sheds, often housing, particularly with poor families, both animals and people.
A. Frenkel. *Essays on Churuk-su and Batum*. Tiflis, 1879. Pp. 61, 62.

Летник. Первая половина XX века
Summer shelter. 20th century (first half)

...В лесах ЭТИХ
...in the forests

... вершины же гор большею частью покрыты летом роскошными пастбищами и образуют *яйла* или *мезре*, куда с ранней весны загоняют все здешние стада. (...) Все горы Аджарии и Шавшети покрыты дубовыми и еловыми лесами. В лесах этих, на выжженных и очищенных полянках, по откосам гор и вдоль ущелий, весьма часто с самой вершины и до подошвы, располагаются незатейливые постройки местных жителей, постройки деревянные, двухэтажные, с двускатною крышей, весьма похожие на всем известные швейцарские шале. Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. М., 1891. С. 209, 210.

... while the mountain tops, mostly covered with sumptuous pastures in the summertime, form *yaylas* or *mezres*, where all local herds are driven early in spring [...] All mountains in Adjaria and Shavsheti are overgrown with oak and spruce forests. In the forests, dotting the gorge edges and burned-out and cleared mountain slopes, quite often from the very top to the foot, are local people's modest dwellings, two-storey wooden structures with gable roofs, not unlike well-known Swiss chalets. P.S. Uvarova. *Caucasus. Abkhazia, Adjaria, Shavshetia, Poskhovsky Tract*. Travel Notes. Moscow, 1891. Pp. 209, 210.

Дом на яйле Кикибо. Аджария, Грузия
A house on the Kikibo yayla. Adjaria, Georgia

Яйла Зортикели. Аджария, Грузия
Zortikheli yayla. Adjara, Georgia

...праздник ...festival

Шуамтоба (букв. «Среднегорье») – праздник, знаменующий середину цикла летних сельскохозяйственных работ, характерен преимущественно для горной Аджарии – Хулойского и Шуахевского районов. Отмечают Шуамтоба в конце июля – начале августа, у каждого села имеется определенный день. Поездка на Шуамтоба – всегда коллективная: в назначенный день все село – мужчины, женщины, старики и дети – отправляются с равнины на яйлу. В прошлом женщины обязательно должны были ехать на лошадях, которых к этому дню специально украшали. В программу праздника, наряду с песнями, танцами, спортивными состязаниями и скачками, включались и женские конные соревнования. Традиция Шуамтоба фиксируется также в населенных гурджи селах турецкого Шавшата. Некоторые яйлы этих сел находились в непосредственной близости с аджарскими, и праздник Шуамтоба был временем встречи аджарцев и шавшатских гурджи.

Shuamtoba (i.e. 'Midmountains'), a festival marking the middle point in the cycle of summer agricultural work, is mostly typical of Khulo and Shuakhevi areas in mountainous Adjara. It is held at some point between the end of July, each village sticking to a particular date. The trip to Shuamtoba is always a joint affair: on a particular day all villagers – men, women, elderly people and children – set out from the plain to the yayla. In the past, women had to ride on horseback, their mounts trimmed expressly for the occasion. Alongside singing, dancing, sport competitions and horse racing, the programme included women's horse-riding contests. The Shuamtoba tradition has also been witnessed in the Turkish Şavşat villages populated by Gurjis and located in the immediate vicinity of Adjarian villages, so that the Shuamtoba festivities provided a meeting place for yayla of Adjarians and Şavşat Gurjis.

Яйла Зортикели. Аджария, Грузия
Zortikheli yayla. Adjara, Georgia

По дороге на яйлу Зортикели. Аджария, Грузия
По традиции жители одного села едут на праздник Шуамтоба
вместе, на одной машине.

On the way to the Zortikheli yayla. Adjara, Georgia
Traditionally, all inhabitants of a village travel to the Shuamtoba
festival together, in one vehicle.

Яйла Зортикели. Аджария, Грузия
Zortikheli yayla. Adjaria, Georgia

Девочки наряжены к празднику. Яйла Зортикели. Аджария, Грузия
Girls wearing their Sunday best for the festival. Zortikheli yayla. Adjaria, Georgia

Яйла Зортикели. Аджария, Грузия
Zortikheli yayla. Adjaria, Georgia

Мужчина в праздничной одежде.
Батум. Конец XIX – начало XX века

A man wearing festive clothes.
Batumi. Late 19th – early
20th century

ЛАЗЫ THE LAZ

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Батуми
Batumi

1
2
3

Артвин
Artvin

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Сарпи 1 Sarpi
Хопа 2 Hopa
Архави 3 Arhavi

...ПОЧТИ НЕ ОТЛИЧАЮТСЯ
...hardly differ

Лазы (...) на наш, быть может, неопытный глаз, почти не отличаются ни типом, ни костюмом от остального населения округа, но говорят они наречием очень близком к мингрельскому, по крайней мере мингрельцы и лазы свободно объясняются между собой. Каневский И. Любопытные уголки Кавказа. Батумский округ. Сванетия. Очерки жизни и природы. Тифлис, 1886. С. 47.

The Laz [...], in our view (perhaps for lack of experience), hardly differ from the rest of the local population in terms of type or costume, but their dialect is very close to Mingrelian; at least the Mingrelians and the Laz have no difficulty communicating with each other. I. Kanevski. *Curious Corners of the Caucasus. Batum District. Svanetia. Essays on the Life Style and Environment.* Tiflis, 1886. P. 47.

Мечеть в селе Сарпи смотрит через границу на недавно построенную с грузинской стороны церковь. Провинция Артвин, Турция

The mosque in the village of Sarpi looks across the border on a recently built church on the Georgian side. Artvin Province, Turkey

...кукуруза, кормилица
...maize is the main
grain plant

Главное хлебное растение в округе – кукуруза, кормилица большей части всего западного Закавказья. Чада, пресная лепешка из грубой кукурузной муки, и кусочек козьего или овечьего сыра – обычная и почти единственная пища жителей... Каневский И. Любопытные уголки Кавказа. Батумский округ. Сванетия. Очерки жизни и природы. Тифлис, 1886. С. 52.

Maize is the main grain plant in the area, providing sustenance to the majority of the population in the whole of Western Transcaucasia. Chada, an unleavened kind of flat bread made from coarsely ground maize flour, topped with a small slice of goat or sheep cheese, is the inhabitants' staple and practically only food... I. Kanevski. *Curious Corners of the Caucasus. Batum District. Svanetia. Essays on the Life Style and Environment.* Tiflis, 1886. P. 52.

Окрестности Архави.
Провинция Артвин, Турция

Near Arhavi.
Atrvin Province, Turkey

Семья лазов.
Батумская область.
1914

A Laz family.
Batumi Province, 1914

Дом лазов. Батумская область. 1914
A Laz house. Batumi Province, 1914

...из тесаных камней, под черепицею
 ...houses are of hewn stone, with tile roofing

Батумцы живут в домах, в настоящих домах в полном смысле этого слова, высоких, светлых и просторных. Дома двух-, а иногда и трехэтажные, в верхней Аджарии – из дерева, под драничною крышей, а по левой стороне Чороха почти все – из тесаных камней, под черепицею; крыши далеко выступают над стенами и образуют кругом всего здания широкий навес. Нижний этаж обыкновенно служит помещением для скотины, складом запасов, а верхний – жильем. Поднявшись по каменной или деревянной лестнице в этот последний, вы входите как бы в переднюю, расположенную сзади дома. Тут у задней стены находится исполинский бухар, т.е. камин с устьем до двух слишком аршин ширины и высоты; лицевая часть камина и свод образованы большею частью только двумя камнями, вытесанными внутри дугообразно, иногда украшенными грубою резьбою; в таком бухаре можно целиком зажарить барана или теленка. Из передней дверь ведет в главное помещение дома. Оно в сущности состоит из одной большой комнаты, образуемой всеми четырьмя стенами здания и крышею и не имеет потолка; но в каждом из углов залы отделены деревянными перегородками, не доходящими до крыши, четыре маленькие отдельные комнатки. Между перегородками остаются два широкие прохода или коридора, пересекающиеся под прямым углом. Проход, разделяющий помещение на правую и левую половины и выходящий на лицевой фасад дома, оканчивается открытым балконом с деревянными нарами перед решеткою; другой, перпендикулярный ему проход оканчивается или окнами с деревянными решетками, или боковыми выходами на лестницу.

Каневский И. Любопытные уголки Кавказа. Батумский округ. Сванетия. Очерки жизни и природы. Тифлис, 1886 С. 49, 50.

Batumi residents live in houses, real houses in the true sense of the word: tall, well-lit and spacious. The houses have two or sometimes three stories; in Upper Adjara they are of wood, with shingle roofs, whereas on the left bank of the Çoroh practically all houses are of hewn stone, with tile roofing; the emphatically protruding roof edges form a wide awning all around the house. The ground floor normally serves as a cattle shed and a larder; the living quarters are upstairs. Climbing the stone or wooden stairs, you feel as though you found yourself in a hall at the back of the house. At the far side is a huge *bukhar* fireplace, its mouth no less than two arshins wide and tall; the face and roof of the fireplace are mostly formed with just two stones hewn archwise inside, so that a *bukhar* is large enough to roast a sheep or a calf in. A door leads to the main space of the house. Actually, the interior consists of one large room enclosed within the four walls and covered by the roof, devoid of a ceiling as such; in the corners, however, there are wooden partitions that do not reach the roof; they delimitate four small separate rooms. There are two wide passages or corridors left between the rooms, crossing at right angles. The passage dividing the space into the right and left halves and leading to the front of the house ends in an open balcony with wooden plank-beds protected by a lattice, while the other passage, perpendicular to the former, ends in windows protected by wooden bars or else in side exits to the staircase.

I. Kanevski. *Curious Corners of the Caucasus. Batum District. Svanetia. Essays on the Life Style and Environment.* Tiflis, 1886. Pp. 49, 50.

Камин. Батумская область. Конец XIX – начало XX века
 Главными резчиками по дереву в Батумской области были лазские мастера.
 К их услугам обращались аджарцы и другие народы.

Fireplace. Batum Province. Late 19th – early 20th century
 The Laz were the most skilful woodcarvers in the Batum Province, their services employed
 by Adjarians and other peoples.

Сельчане отправляются на рынок. Окрестности Батума. Конец XIX – начало XX века
Villagers setting off for the market. Near Batum. Late 19th – early 20th century

Группа мужчин у лодки на морском берегу. Окрестности Батума. Конец XIX – начало XX века
A group of men near a boat on the seashore. Near Batum. Late 19th – early 20th century

...вплотную к морю
...close to the coastline

Береговые жители, особенно лазы, держат *фелюки* и занимаются перевозкою грузов и торговлей; Понтийские горы, прижимающие лазов вплотную к морю, слишком дики, скалисты и обрывисты и с них трудно взять хотя что-нибудь; кое-кое где только у самого берега есть небольшие площадки, на которых можно сеять рис; главным же образом лазов кормит море.
Каневский И. Любопытные уголки Кавказа. Батумский округ. Сванетия. Очерки жизни и природы. Тифлис, 1886. С 54.

Coastal dwellers, particularly the Laz, own feluccas and engage in trade and in the transit of goods; the Pontic Mountains, too wild, rocky and scarp-sloped to yield any crops, force the Laz close to the coastline; it is only quite near the coast that one finds small patches of land suitable for rice growing; chiefly, however, it is the sea that the Laz depend on for food.
I. Kanevski. *Curious Corners of the Caucasus. Batum District. Svanetia. Essays on the Life Style and Environment.* Tiflis, 1886. P. 54.

Село Сарпи. Батумская область. 1914
Жители побережья шутят:
«Когда говорят: “Черное море”, в голову сразу лазы приходят».

The village of Sarpi. Batum Province. 1914
The inhabitants of the coastal area joke,
“Whenever the Black Sea is mentioned,
the first thing that occurs to you is the Laz”.

Водопад по дороге к селу Сарпи со стороны Батума. Батумская область. 1914
Waterfalls on the way to the village of Sarpi from Batum. Batum Province. 1914

Навесы для лодок. Село Сарпи,
Батумская область. 1914

Boat sheds. The village of Sarpi,
Batum Province. 1914

Изготовление лодки-
поскодонки. Окрестности
Батума. Первая половина XX века

Making a flat-boat.
Near Batum.
20th century (first half)

Новая церковь в селе Сарпи с видом на пляж. Аджария, Грузия
A new church in the village of Sarpi overlooking the beach. Adjara, Georgia

Дом в селе Сарпи, разделенном турецко-грузинской границей. Аджария, Грузия
A house in Sarpi, a village divided by the Turkish-Georgian border. Adjara, Georgia

...на чайной плантации
...on a tea plantation

Китайские рабочие на чайной плантации. Окрестности Батума. 1890-е годы
Chinese labourers on a tea plantation. Near Batum. 1890s

Наемные рабочие из Грузии собирают чай в окрестностях Хопы. Провинция Артвин, Турция
Farm hands from Georgia plucking tea on the outskirts of Hopa. Artvin Province, Turkey

Разгрузка собранного чая. Окрестности Архави. Провинция Артвин, Турция
Unloading the plucked tea. Near Arhavi. Artvin Province, Turkey

Доставка чая на завод «Липтон». Окрестности Архави. Провинция Артвин, Турция
Delivering tea to the Lipton factory. Near Arhavi. Artvin Province, Turkey

Три сестры
занимаются сбором
чая. Окрестности
Архави. Провинция
Артвин, Турция

Three sisters plucking
tea. Near Arhavi.
Artvin Province, Turkey

Городские молодожены во время
свадебной фотосессии. Окрестности
Архави. Провинция Артвин, Турция
Невеста наполовину лазка,
наполовину гурджи.

Urban newlyweds during
a wedding photoshoot.
Near Arhavi. Artvin Province, Turkey
The bride is half Laz, half Gurji.

Гурджи GURJIS

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Батуми
Batumi

Артвин
Artvin

Ардаган
Ardahan

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Борчка	1	Borçka
Джамили	2	Camili
Мейданджик	3	Meydancık
Шавшат	4	Şavşat

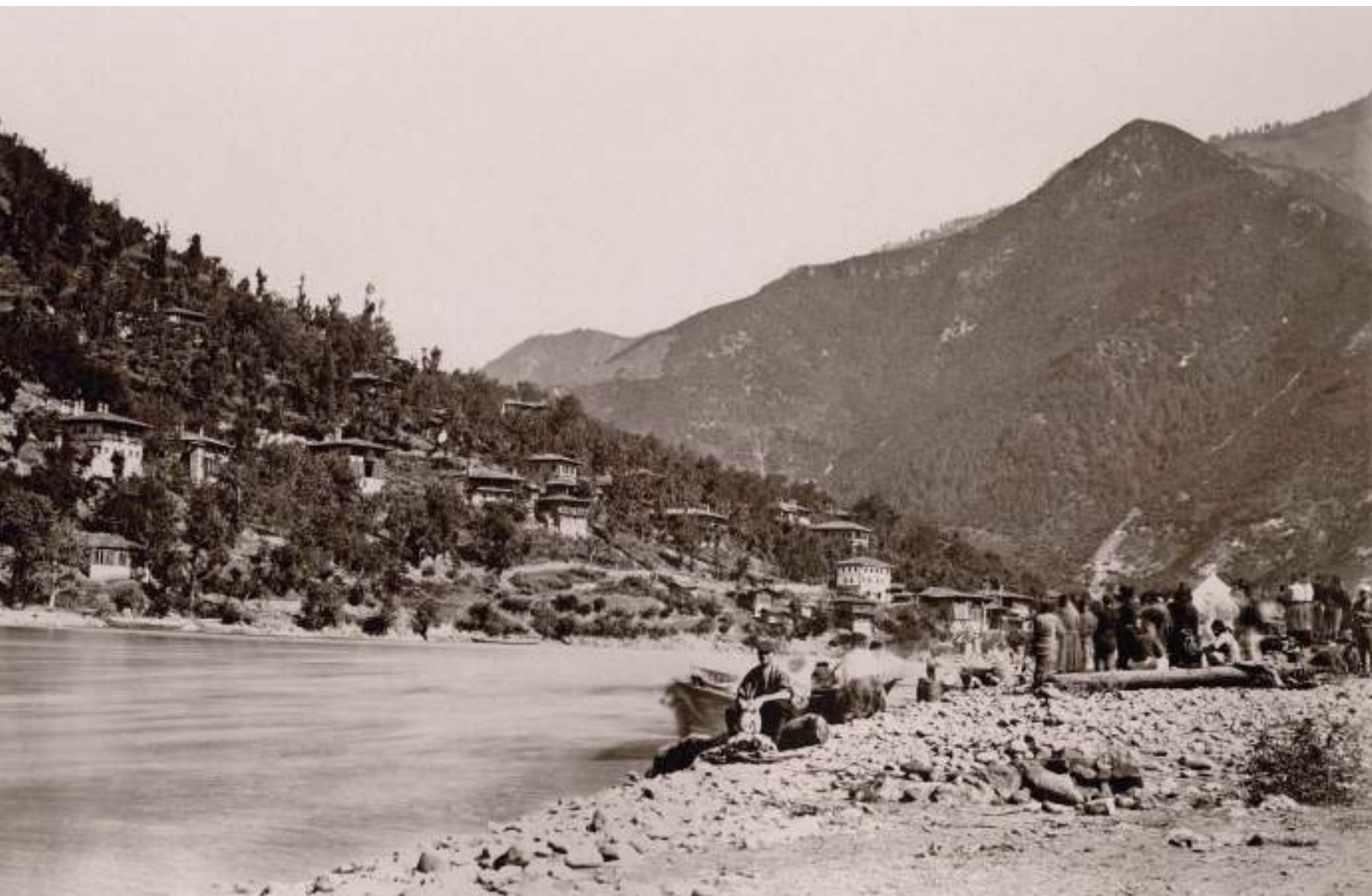

Сами они называют себя теперь татарами по вере и гурджами по народности.
 Садовский К. Посховский участок Ардаганского округа Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. Отд. 1. С. 6.

Today, they call themselves Tatars by faith and Gurji by ethnicity.
 K. Sadovski. *Poskhovski Tract in the Ardahan District of the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1886. Issue 5. Section 1. P. 6.

Мост через реку Чорох. Окрестности Артвина. Конец XIX – начало XX века

A bridge over the Çoroh. Near Artvin. Late 19th – early 20th century

Село Борчка. Окрестности Артвина Батумской области. Конец XIX – начало XX века
The village of Borçka. Near Artvin, Batum Province. Late 19th – early 20th century

Борчка. Провинция Артвин, Турция
Borçka. Artvin Province, Turkey

Дорога к селу Мейданджик. Провинция Артвин, Турция
The road to the village of Meydancik. Artvin Province, Turkey

Жители села Мейданджик.
Провинция Ардаган,
Турция

Meydancık villagers.
Ardahan Province, Turkey

Пасечник. По словам местных жителей, только в этой части Турции распространена кавказская порода пчел.

A bee-keeper. According to the local people, it is only in this part of Turkey that the Caucasus breed of bees is found.

Заготовка сена жителями села Атаноглу. Провинция Артвин, Турция

Atanoğlu villagers making hay.
Artvin Province, Turkey

Деревянная мечеть
в селе Джамили.
Провинция Артвин,
Турция
Мечеть построена
в 1855 году.

A wooden mosque
in the village of
Camili. Artvin
Province, Turkey
The mosque was
built in 1855.

Интерьер мечети в селе Джамили. Провинция Артвин, Турция

Camili mosque interior. Artvin Province, Turkey

В результате проведения границы в 1921 году между Турцией и СССР шесть сел Мачахельского ущелья оказались на территории Турции, двенадцать – Грузии. Между родственниками с обеих сторон существуют контакты, хотя пункта перехода границы здесь нет. Зимой, когда перевалы в сторону районного центра Артвин закрыты, в экстренных случаях больных отправляют в госпиталь в Батуми, о чем есть межгосударственные договоренности.

As a result of the 1921 delimitation between Turkey and the USSR six Machaheli villages were annexed to Turkey and twelve, to Georgia. The relatives living on either side of the border maintain contacts, although there is no border crossing point in that locality. In accordance with interstate agreements, during winter, when the passes leading to Artvin, the administrative center, are blocked, a person needing emergency medical care can be taken to a hospital in Batumi.

Пограничное с Грузией село Джамили.
Провинция Артвин, Турция

The village of Camili on the Georgian border.
Artvin Province, Turkey

ТЮРКИ TÜRKKS

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Батуми
Batumi

Артвин
Artvin

Ардаган
Ardahan

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Карс
Kars

Ацкури	1	Atskuri
Схвилиси	2	Skhvilisi
Караджаорен	3	Karacaören
Йукары Гюндеш	4	Yukarı Gündüş
Шавшат	5	Şavşat
Буланьк	6	Bulanık
Арпачай	7	Ağaçay
Акьяка	8	Akyaka
Эсейайла	9	Esenyayla
Пософ	10	Posof
Йалынкай	11	Yalınkaya
Субатан	12	Subatan
Эсенкент	13	Esenkent
Оджаклы	14	Ocaklı

Карс. Последняя четверть XIX – начало XX века
Kars. 19th (last quarter) – early 20th century

Жители Карса. Турки. Последняя четверть XIX – начало XX века
Inhabitants of Kars. Turks. 19th (last quarter) – early 20th century

Жители Карса. Турки. Последняя четверть XIX – начало XX века
Inhabitants of Kars. Turks. 19th (last quarter) – early 20th century

...народ (...) симпатичен, кроток, гостеприимен
 ...people (...) amiable disposition, humble, hospitable

Турок в крае в настоящее время (...) около 27% общего числа населения. До присоединения Карсской области к России число их здесь было почти втрое более; но после покорения края отсюда 2/3 турецкого населения эмигрировало в Турцию. По характеру своему народ этот в высшей степени симпатичен, кроток, гостеприимен и при этом отличается трудолюбием (...). Все они магометане-сунниты. Хозяйственный труд у бедных турок распределен равномерно между мужчинами и женщинами; у богатых же, напротив, жены никакой работы по хозяйству не несут. Садовский К. Краткие заметки о Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1888. Вып. 3. Отд. 1. С. 343.

The Turks living in that area today [...] account for about 27 percent of the population. Before the annexation of the Kars Province to Russia they were almost three times as many, but following the conquest two thirds of the Turkish population emigrated to Turkey. These people are of a highly amiable disposition, humble, hospitable and hard-working [...] They are all Sunnite Mohammedans. With the poorer Turks, chores are equalized between men and women; with the richer, on the contrary, the wives never do a stroke of work. K. Sadovsky. *Brief Notes on the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1886. Issue 3. Section 1. P. 343.

Горожанка. Турки. Батумская область. 1878
 A townswoman. Turks. Batum Province. 1878

Уличные продавцы холодной воды. Турки. Батум. Последняя четверть XIX – начало XX века
 Street vendors selling cold water. Turks. Batum. 19th (last quarter) – early 20th century

Мальчики из села Йалынкяя (Ташков). «Местные». Провинция Карс, Турция
В прошлом в селе проживали армяне и русские-молokane.

Village boys from Yalınkaya (Taşkov). "Natives". Kars Province, Turkey
In the past the village was inhabited by Armenians and Molokan Russians.

Наемная работница грузинка из Кутаиси, ухаживающая за пожилым мужем хозяйки дома.
Грузинка и «местная». Село Буланык, провинция Артвин, Турция
«Местными» называет себя часть сельского тюркоязычного суннитского населения.

A hired worker, a Georgian woman from Kutaisi, taking care of the landlady's elderly husband.
A Georgian woman and a "native". The village of Bulanık, Artvin Province, Turkey
Part of the rural Turkish-speaking Sunnite population call themselves "natives".

Сквер в Ардагане, Турция
Public garden in Ardahan, Turkey

Чайная в Пософе,
Турция

Tea house in Posof,
Turkey

Кафе в Артвине, Турция
Cafe in Artvin, Turkey

Городская улица. Карс, Турция A town street. Kars, Turkey

Игра в «окей». В турецких городах есть специальные игровые чайные (кафе), где мужчины собираются играть в нарды, шахматы и карты. Карс, Турция

An okay game. Turkish towns have specialized game room tea houses where men can play narde, chess and cards. Kars, Turkey

Игра в нарды. Село Оджаклы, расположенное у развалин древнего города Ани. Провинция Карс, Турция
A game of narde. Ocakli, a village near the ruins of the ancient town of Ani. Kars Province, Turkey

Картежники. Село Йалынкая (Ташков). «Местные». Провинция Карс, Турция
Gamblers. The village of Yalinkaya (Taşkov). «Natives». Kars Province, Turkey

Улицы Карса. Последняя четверть XIX – начало XX века
The streets of Kars. 19th (last quarter) – early 20th century

...на границе грузинского и армянского царств
 ...on the border between the Georgian and the Armenian kingdoms

Грузины утверждают, что слово «Карс» произошло от грузинского слова *kari*, что значит ворота: Карис-калаки «город ворот». Отсюда армяне стали называть этот город Каруц-кагак. Такое название город получил потому, что он находился на границе грузинского и армянского царств и составлял как бы дверь, через которую можно было из Грузии войти в Армению и обратно.

Армяне же утверждают, что город носит чисто армянское название Харс, что значит невестка. Для объяснения такого названия этого города армяне рассказывают предание, что невеста одного армянского царя отправилась однажды на прогулку и достигла местности нынешнего Карса. Это место понравилось ей, и она устроила себе летнее пребывание (дачу) на том месте, где теперь цитадель. Так как она часто посещала любимую местность, то последняя и стала называться Харс, т.е. место невестки. Вопрос, на чьей стороне истина, остается все-таки открытым.

Янович Ф. Очерки Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отд. 1. С. 97, 98.

The Georgians assert that the Kars placename derives from the Georgian word *kari*, i.e. 'gate', *Karis-kalaki* meaning 'the gate town'. Accordingly, the Armenians started calling the town *Karuts-kagak*. The town is thus referred to because it lay on the border between the Georgian and the Armenian kingdoms, serving, as it were, as a door leading from Georgia to Armenia and back.

The Armenians, in their turn, claim that the town's name is purely Armenian, deriving from the word *hars* meaning 'fiancee'. In support of their version the Armenians refer to a legend about an Armenian king's fiancee who once went for a stroll and reached what is now Kars. Enchanted by this place, she had a summer retreat arranged for her where the citadel stands today. She frequented the locality of her choice, hence it came to be known as *Khars*, i.e. the 'fiancee's place'. The origin of the placename is still a matter of dispute.

F. Yanovich. *Essays on the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1904. Issue 34. Section 1. Pp. 97, 98.

Улица Карса. Последняя четверть XIX – начало XX века
 A street in Kars. 19th (last quarter) – early 20th century

Подковка буйвола. Турки. Карс. Последняя четверть XIX – начало XX века
Shoeing a buffalo. Turks. Kars. 19th (last quarter) – early 20th century

Группа стоящих и сидящих пленных турок. На некоторых надеты арабские головные уборы и одежды. Карс. 1877
A group of captured Turks sitting and standing. Some of them wear Arab headgear and clothes. Kars. 1877

Село Йалынкяя (Ташков). «Местные». Провинция Карс, Турция
The village of Yalınkaya (Taşkov). «Natives». Kars Province, Turkey

Карсский регион известен в Турции своими «тремя “К”». С этой буквы в турецком языке начинаются слова «гусь» (каз), «зима» (кыш) и «девушка» (кыз). Здесь готовят плов с гусиным мясом. Регион известен суровыми зимами и красивыми девушками.

The Kars area is known in Turkey for its “three Ks” because three important Turkish words begin with the letter K: *kaz* (‘goose’), *kış* (‘winter’) and *kız* (‘girl’). The implications are that the local pilaf is cooked with goose meat and that the area is known for its severe winters and pretty girls.

Дорога из села Йалынкяя (Ташков) в Карс. Провинция Карс, Турция
85 % трудоспособного населения провинции Карс занимаются сельским хозяйством. Это самый большой животноводческий район Турции.

The road from the village of Yalınkaya (Taşkov) to Kars. Kars Province, Turkey
Eighty-five per cent of the working-age population in the Kars Province are engaged in agriculture, this being Turkey’s largest livestock breeding area.

Вообще жилища туземного населения не могут похвалиться ни своим внешним видом, ни своими удобствами (...). Они сложены из необделанного камня, который связан глиною или даже просто грязью. Каждое жилое помещение имеет несколько отделений, где под одною кровлей находятся и люди, и животные.
Янович Ф. Очерки Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отд. 1. С. 169.

Generally speaking, the natives' dwellings cannot boast their appearance or conveniences. [...] They are built of unhewn stones held together by clay or just mud. Each living quarter is partitioned into several sections where people and animals live under the same roof.
F. Yanovich. *Essays on the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1904. Issue 34. Section 1. P. 169.

По дороге из Карса в Ардаган. Турция
On the road from Kars to Ardahan. Turkey

Жители алевитского села Йукары Гюндеш (квартал Мустафа Кемаль). Туркмены-алевиты. Провинция Ардаган, Турция
Inhabitants of the Alevi village of Yukarı Gündeş (Mustafa Kemal Mah.). Alevi Turkmens. Ardahan Province, Turkey

...народ этот – мирный, спокойный
...peaceful and quiet people

Жители алевитского села Йукары Гюндеш
(квартал Мустафа Кемаль). Туркмены-алевиты.
Провинция Ардаган, Турция

Inhabitants of the Alevi village of Yukarı Gündeş
(Mustafa Kemal Mah.). Alevi Turkmens.
Ardahan Province, Turkey

Туркмен в области в настоящее время
считается 7 754 чел., или 5% общего числа
населения. Живут они преимущественно
в Ардаганском округе, по вероисповеданию –
магометане-сунниты и относятся к секте
Алиева учения; молитв и постов они не
признают, не имеют имамов и мечетей и не
совершают намазов (омовений). Народ этот –
мирный, спокойный; живут они земледелием
и промыслами. Главный предмет
промышленности и торговли туркмен
составляет скот; особенно славятся
туркменские лошади.
Садовский К. Краткие заметки о Карсской
области // Сборник материалов для описания
местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1888.
Вып. 3. Отд. 1. С. 344, 345.

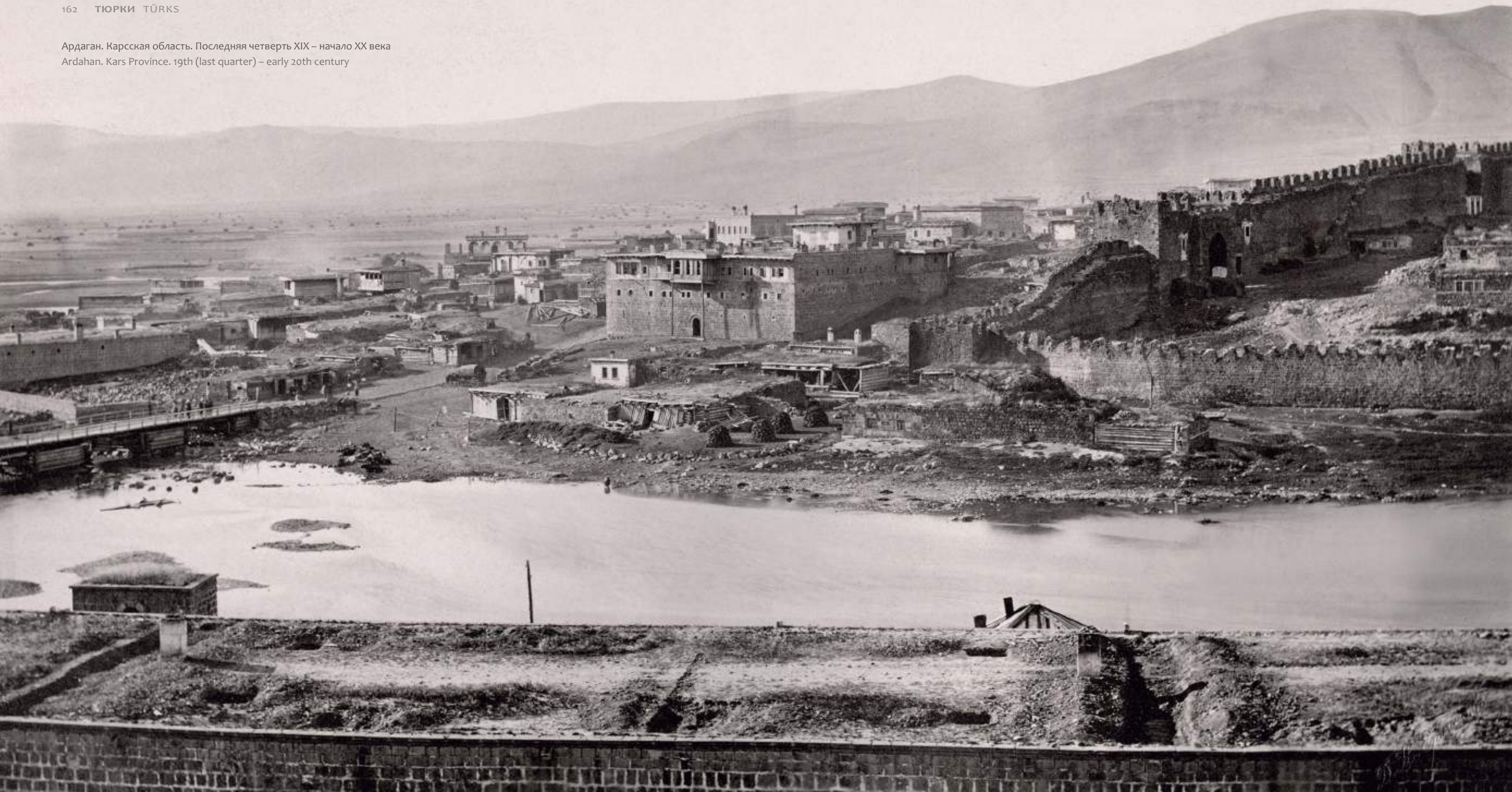
Currently living in the area are 7,754 Turkmens,
their numbers accounting for 5 per cent of the
local population. They mainly inhabit the
Ardahan District, practice the Sunnite
Mohammedan faith and belong to the sect of
Ali's teaching, i.e. they do not fast, have
no imams or mosques, nor perform namazes
(ablutions). They are peaceful and quiet
people making a living out of land farming
and handicrafts. The Turkmens' main item of
industry and trade is horse breeding,
Turkmen horses are particularly well-known.
K. Sadovsky. *Brief Notes on the Kars Province*.
In: *Collection of Materials for the Description
of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1888.
Issue 3. Section 1. Pp. 344, 345.

Девочка из алевитского села
Караджаорен. Туркмены-алевиты.
Провинция Карс, Турция

A girl from the Alevi village
of Karacaören. Alevi Turkmens.
Kars Province, Turkey

Ардаган. Карсская область. Последняя четверть XIX – начало XX века
Ardahan. Kars Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Город Ардаган в истории грузинского народа назывался Артани; местные жители из простого народа в Ардаганском округе и теперь называют его не Ардаган, а Артани.
Садовский К. Посховский участок Ардаганского округа Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. Отд. 1. С. 4.

Дома в окрестностях Ардагана.
Карсская область. Конец XIX – начало XX века

In the history of the Georgian people, the town of Ardahan used to be called Artani, even today.
K. Sadovski. *Poskhovski Tract in the Ardahan District of the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1886. Issue 5. Section 1. P. 4.

Houses near Ardahan. Kars Province.
Late 19th – early 20th century

Село Караджаорен было первым эстонским поселением в Карсской области, сегодня здесь остался один потомок эстонских немцев по имени Август. Сейчас здесь живут алевиты – представители конфессиональной группы в исламе, близкой шиитскому мазхабу. В 1826 году алевизм в Турции был запрещен, и исповедовавшие его подвергались преследованию со стороны окружающего курдского и турецкого населения. У алевитов не принято ходить в мечеть и совершать намаз, поскольку они считают, что в мечети был убит имам Али; у них существуют моленные дома – «джем эви». В этом селе Управлением религиозных дел Турции была построена мечеть и прислан имам с целью приобщения местного населения к суннитскому церемониалу. В настоящее время жители в большинстве своем не ходят ни в мечеть, ни в моленный дом; среди них много людей с высшим образованием, работающих на государственной службе.

The village of Karacaören was the earliest Estonian settlement in the Kars Province, where only one descendant of the Estonian Germans resides today. His name is August. The place is now inhabited by Alevi, members of an Islamic religious group close to the Shi'ite Mazhab. In 1826 Alevism was banned in Turkey, its practitioners persecuted by the surrounding Kurdish and Turkish Muslim population. The Alevi do not normally go the mosque to say *namaz* prayers because they believe that Imam Ali was assassinated in a mosque; they have prayer houses called *Cem evi*. The Ministry for Religious Issues had a mosque built in this village and appointed an imam so as to convert the local population to the Sunnite ritual. Today, many of the local residents hardly ever go to a mosque or a prayer house; they are mostly educated people with a university degree working in the civil service.

Село Караджаорен. Туркмены-алевиты. Провинция Карс, Турция
The village of Karacaören. Alevi Turkmens. Kars Province, Turkey

Жители алевитского села Караджаорен. Туркмены-алевиты. Провинция Карс, Турция
Inhabitants of the Alevi village of Karacaören. Alevi Turkmens. Kars Province, Turkey

Кухня. В левом нижнем углу – печь для выпечки хлеба. Село Караджаорен. Туркмены-алевиты. Провинция Карс, Турция
Kitchen. Lower left: a stove for bread baking. The village of Karacaören. Alevi Turkmens. Kars Province, Turkey

Яйла вблизи села Йукары Гюндеш (квартал Мустафа Кемаль). Туркмены-алевиты. Провинция Ардаган, Турция
Yayla near the village of Yukarı Gündeş (Mustafa Kemal Mah.). Alevi Turkmens. Ardahan Province, Turkey

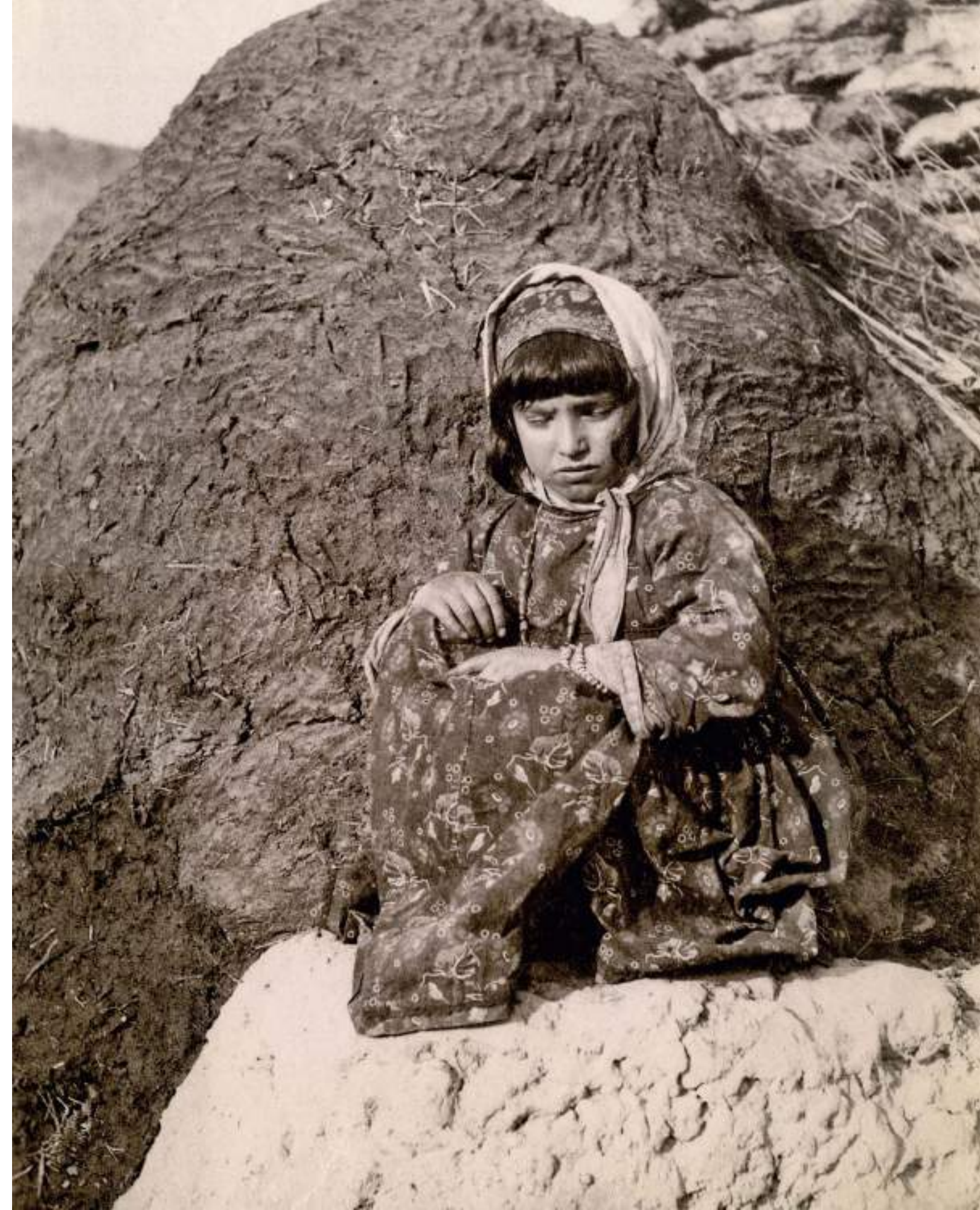
Земляные укрепления Омер-оглы. Окрестности Ардагана. Карсская область. Последняя четверть XIX – начало XX века
Omer-ogly earthen fortifications. Near Ardahan. Kars Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Группа мужчин и мальчик с частично выбритой головой. Закавказские татары. Последняя четверть XIX – начало XX века
A group of men and a boy with a partly shaven head. Transcaucasian Tatars. 19th (last quarter) – early 20th century

Девочка. Закавказские татары. Последняя четверть XIX – начало XX века
A girl. Transcaucasian Tatars. 19th (last quarter) – early 20th century

Двор крепких фермеров.
Азери. Село Эсенйайла.
Провинция Карс, Турция

The courtyard of a well-
to-do farmer household.
Azeris. The village of
Esenyayla. Kars Province,
Turkey

Фермеры. Азери. Село Эсенйайла. Провинция Карс, Турция
Farmers. Azeris. The village of Esenyayla. Kars Province, Turkey

В XIX – начале XX века тюркоязычное население Закавказья русские власти называли закавказскими или азербайджанскими татарами (термин азербайджанцы официально утвердился только в 1930-х годах). В Карсской области тюркоязычные группы называли *терекеме*, *карапахами*, *терекеменскими татарами* и *татарми-карапахами*. В настоящее время в Турции есть тюркоязычные группы, которые идентифицируют себя с *карапахами* или *терекеме*, есть также тюркоязычное население, которое называет себя *азери* и в культурном отношении ощущает близость с тюрками Иранского Азербайджана.

During the 19th and early 20th century the Russian authorities referred to the Turkish-speaking population of Transcaucasia as Transcaucasian or Aderbeijanians (for the Azerbaijanis ethnonym did not become established until the 1930s). In the Kars Province, the Turkish-speaking communities would be referred to as Terekeme, Karapahs, Terekeme Tatars and Karapahs Tatars. At present Turkey has a number of Turkic-speaking communities that identify themselves with Karapahs or Terekeme, as well as a segment of Turkic-speaking residents who call themselves Azeris and feel that they culturally belong with the Turks of Iranian Azerbaijan.

Интерьер гостиной. Азери. Село Эсенйайла.
Провинция Карс, Турция
Азери: Мы чувствуем, что по культуре мы ближе к иранским азербайджанцам. Наши имамы учиться ездят туда.

Drawing room interior. Azeris. The village of Esenyayla.
Kars Province, Turkey
The Azeris say, "Culturally we are closer to Iranian Azerbaijanis. Our imams go and study in Azerbaijan".

Крепость Ацхур (Ацкури). Окрестности Ахалцихе.
Последняя четверть XIX – начало XX века

Atskuri Citadel. Near Akhaltsikhe. 19th (last quarter) –
early 20th century

Дети. Село Ацхур (Ацкури).
Окрестности Ахалцихе.
Ахалцихские турки. Последняя
четверть XIX – начало XX века

Children. The village of Atskuri.
Near Akhaltsikhe. Akhaltsikhe
(Ahiska) Turks. 19th (last quarter) –
early 20th century

Яйла по дороге из Шавшата в Ардаган. Ахалцихские турки. Турция
Yayla on the road from Şavşat to Ardahan. Akhaltsikhe Turks. Turkey

Ахалцихские турки, известные в советской и российской научной традиции как турки-месхетинцы, исторически проживали на прилегающих к городу Ахалцихе территориях (Месхетия), разделенных в XIX веке русско-турецкой границей. Ахалцихские турки, проживавшие в СССР, в 1944 году вместе с курдами и хемшинами были депортированы в Среднюю Азию. После снятия ограничения на место поселения практически никто не смог вернуться на историческую родину. Оставшиеся в Средней Азии подверглись погрому в 1989 году, что привело к новому массовому переселению. В настоящее время из более полумиллиона ахалцихских турок две пятых проживают в Средней Азии, по пятой части – в России и Турции, десятая часть – в США и несколько меньше – в Азербайджане, в Грузии их проживает не более процента. Вопрос о репатриации этого народа остается нерешенным.

Akhaltzikhe Turks, referred to in the Soviet and Russian scholarly parlance as Meskhetian Turks, historically lived in the area (known as Meskhetia) bordering on Akhaltzikhe, which was divided in the 19th century by the demarcation of the Russo-Turkish border. The Akhaltzikhe Turks living in the USSR were deported in 1944, together among the Kurds and Hemshins, to Central Asia. After the settlement ban was lifted practically none of them were able to return to their ancestral lands. Those who remained in Central Asia became victims of commodity riots in 1989, and this led to a new mass resettlement. At present two thirds out of half a million of Akhaltzikhe Turks live in Central Asia, a fifth in Russia and Turkey apiece, a tenth in the US and somewhat fewer in Azerbaijan. No more than one per cent live in Georgia, and the issue of their repatriation remains undecided.

Яйла по дороге из Шавшата в Карс. Ахалцихские турки. Турция

Yayla on the road from Şavşat to Kars. Akhaltzikhe Turks. Turkey

ЦЫГАНЕ GYPSIES

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Батуми
Batumi

Артвин
Artvin

Ардануч
Ardanuç

Ардаган
Ardahan

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Верхняя часть города Ардануча населена цыганами-лом, которых окружающее население называет «поша», и курдами, которых прочие курдские группы называют «мыртыв» («цыгане»), а тюркоязычные группы – «карачадырлы» («чернопалаточники»). Обе группы обладают низким социальным статусом и поэтому являются изолированными. Первые стараются скрывать свою цыганскую принадлежность, незнакомцам выдают себя за «местных». При посторонних говорят на турецком языке, однако имеют и свой индоарийский язык – ломаврен (ломский), на котором говорят даже дети. Вторая группа говорит на курманджи (северный диалект курдского). И те и другие – сунниты. Провинция Артвин, Турция.

The upper part of the town of Ardanuç is inhabited by the Lom Gypsies, locally referred to as Posha, and the Kurds whom other Kurdish communities describe as Myrtyv (i.e. Gypsies) and Turkish-speaking communities, as Karaçadırlı (i.e. 'Blacktenters'). Both are low-status ethnic groups and therefore remain in isolation. Members of the former community try to conceal their Gypsy identity and pose as "natives", speaking Turkish in public. However, their mother tongue, that of the Indo-Arian family, is Lomavren (or the Lom language), spoken even by the children. Members of the latter community are speakers of Kurmanji (the northern dialect of Kurdish). Both are Sunnites. Artvin Province, Turkey.

Ардануч. Батумская область.
Последняя четверть XIX – начало XX века

Ardanuç. Batum Province.
19th (last quarter) – early 20th century

Ардануч считался городом у турок; после занятия края и мы сохранили за ним некоторое время это название, но теперь он разжалован в селение (...). Населен он армянами и весьма незначительным числом турок, которых насчитывается только 7 дымов. Несмотря на это в Ардануче огромная мечеть и большой дом, занятый медресе, в который зимою собираются местным кадием ученики из всех соседних деревень. Не так поставлено дело у христиан. Церковь есть только католическая, духовенство которой относится к обучению детей весьма поверхностно.

Город расположен и окружен со всех сторон известковыми громадами; садов в нем мало, но в центре города около мечети и некоторых домов развесистые вековые туты и орешники предохраняют вас от солнечных лучей и заманчиво приглашают отдохнуть под тенью своих ветвей (...). Улицы местечка узки, тесны и каменисты, как улицы маленьких итальянских городов; дома все фольварковые (фахверковые – Е.Г.), в два этажа, с черепичными крышами, с нависшими балконами, переходами и лестницами, с ореховыми дверьми, окнами и навесами, которые придают особый колорит местным постройкам не только совершенно деревянным, но и каменным, благодаря своему темному и вместе с тем теплomu колориту.

Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. М., 1891. С. 302–304.

Ardanuç enjoyed the status of a town under the Turkish rule; after our occupation of these lands we are going to use its original designation for the time being, although it has now been reduced to a village. [...] Its inhabitants are Armenians and a negligible number of Turks, who own but seven *dym*s (homes). Nevertheless, Ardanuç has a huge mosque, and a large building housing the madrasah, where the local kadee gathers learners from all neighbouring villages during winter. The Christians fall short of this standard. There is only a Catholic church there, and the clergy take their mission of educating children rather superficially.

The town is situated on, and surrounded with, huge limestone rocks; orchards are scarce, but in the centre, near the mosque and some of the houses, there are wide-branching mulberry trees and nut-trees to protect you from the heat of the sun, inviting you to relax in the shade. The village streets are narrow and stony, like those of small Italian towns, the houses are half-timbered, two-storeyed, with tiled roofs and overhanging balconies, with passages and staircases, with walnut doors, window frames and awnings, imparting a special atmosphere to all local buildings, wooden and masonry alike, owing to the dark albeit warm colour scheme.

P.S. Uvarova. *Caucasus. Abkhazia, Adjaria, Shavshetia, Poskhovsky Tract*. Travel Notes. Moscow, 1891. Pp. 302–304.

Ардануч. Батумская область. Последняя четверть XIX – начало XX века
Ardanuç. Batum Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Вид на верхнюю часть Ардануча. Провинция Артвин, Турция
View of the upper part of Ardanuç. Artvin Province, Turkey

Провинция Артвин, Турция
Artvin Province, Turkey

Девушка. Татарская цыганка.
Закавказье. Последняя
четверть XIX – начало XX века

Girl. Tatar Gypsy. Transcaucasia.
19th (last quarter) – early 20th
century

Верхняя часть
Ардануча.
Провинция Артвин,
Турция

Upper Ardanuç,
Artvin Province,
Turkey

КУРДЫ KURDS

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Артвин
Artvin
1

Ардаган
Ardahan

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Карс
Kars
2

- Ардануч 1 Ardanuç
- Субатан 2 Subatan
- Эсенкент 3 Esenkent
- Гозлуджа 4 Gozluca
- Ани 5 Ani

3
4 5

Женщина в высоком головном уборе. Закавказье. Последняя четверть XIX – начало XX века
Woman wearing tall headgear. Transcaucasia. 19th (last quarter) – early 20th century

Женщины у курдов пользуются гораздо большими правами, нежели у татар, армян и других соседних народностей. Жена заменяет курду товарища как в домашнем быту, так и на войне. Если мужчины отправляются на войну, то дома, скот и хозяйство защищают женщины. (...) Если женщина не сумеет защитить свое добро, то она лишается почета и уважения своих единоплеменников. На дочери такой слабой матери ни один молодой человек не согласится жениться. Хачатуров К. Курды, черты их характера и быта // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894. Вып. 20, Отд. 1. С. 85.

Among the Kurds, women enjoy a lot more rights than among the Tatars, Armenians and other local peoples. A Kurd's wife is his helpmate both in the household and at war. When the men go to war, the women protect the houses, cattle and property. [...] Should a woman fail to protect her property, she is likely to lose the respect of her tribe. No young man would agree to marry the daughter of such a weak mother. K. Khachaturov. *The Kurds, their Traits of Character and Life Style*. In: Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes. Tiflis, 1894. Issue 20. Section 1. P. 85.

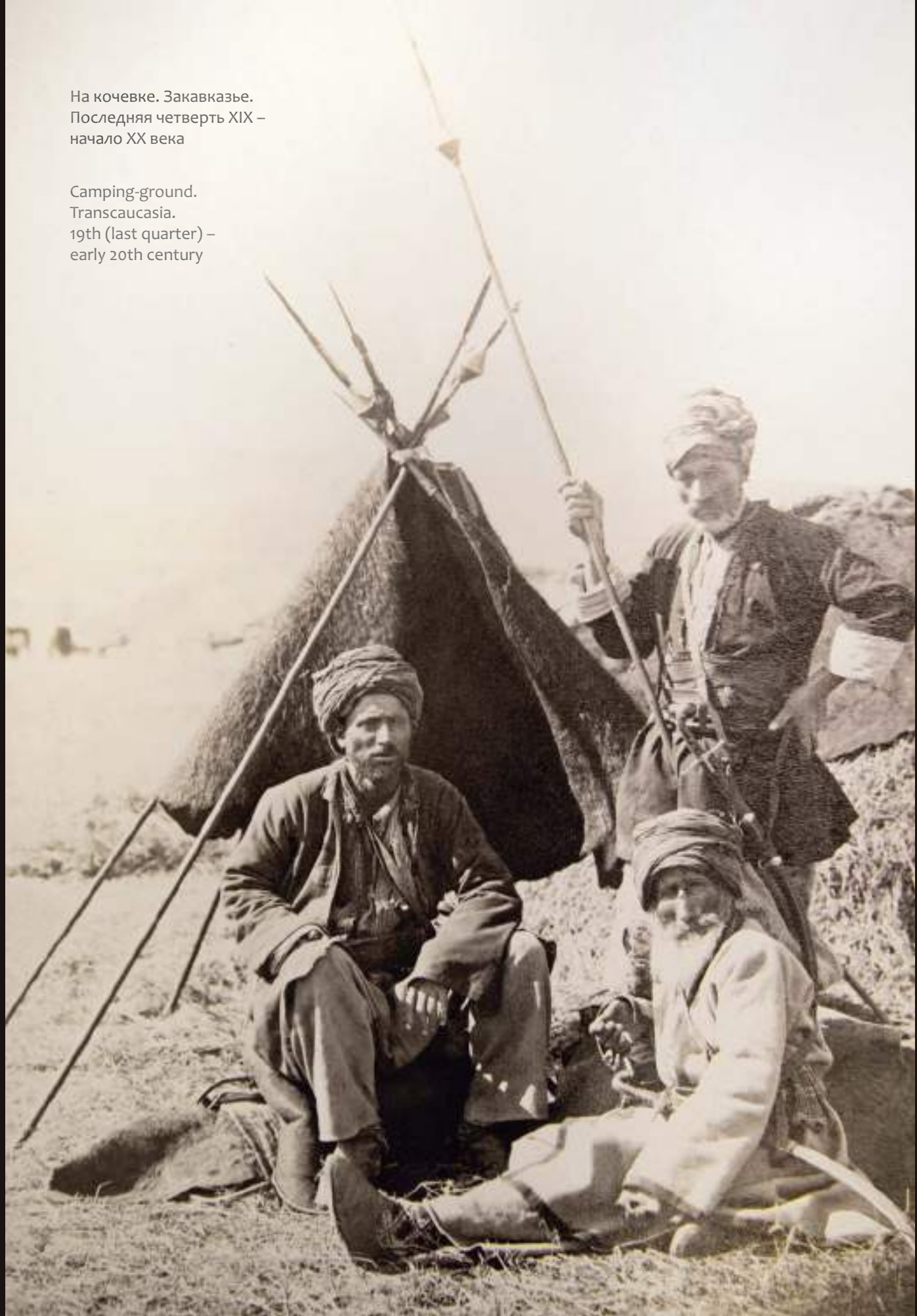
Жительница села Эсенкент.
Провинция Карс, Турция

Female inhabitant of the village of
Esenkent. Kars Province, Turkey

На кочевке. Закавказье.
Последняя четверть XIX –
начало XX века

Camping-ground.
Transcaucasia.
19th (last quarter) –
early 20th century

Группа мужчин. Закавказье. Последняя четверть XIX – начало XX века
A group of men. Transcaucasia. 19th (last quarter) – early 20th century

В прежнее время вооружение курдов состояло из кривой сабли, кремневых пистолетов, кинжала, длинной пики и круглого щита. (...) При нападении на врагов курд пускал в дело пистолеты, а как только заряды израсходовались, то курд брал в левую руку щит, а в правую – саблю. (...) Пика употребляется верховыми (хотя носят ее и пешие) тогда, когда они преследуют своих врагов. (...) Женщины тоже довольно хорошо управляют пикой.
Хачатуров К. Курды, черты их характера и быта // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894. Вып. 20. Отд. 1. С. 81, 82.

Formerly the Kurds' weapons included a curved sabre, pistols, a dagger, a long spear and a round shield. [...] When attacking his enemy the Kurd began by firing his pistols and having run out of cartridges took the shield in his left hand while grabbing the sabre with his right hand. [...] The spear is used by horsemen (although carried by foot soldiers, too) when pursuing the enemy [...] The women are also pretty good at wielding the spear.
K. Khachaturov. *The Kurds, their Traits of Character and Life Style*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1894. Issue 20. Section 1. Pp. 81, 82.

Вооруженные всадники. Закавказье.
Последняя четверть XIX – начало XX века

Armed horsemen. Transcaucasia.
19th (last quarter) – early 20th century

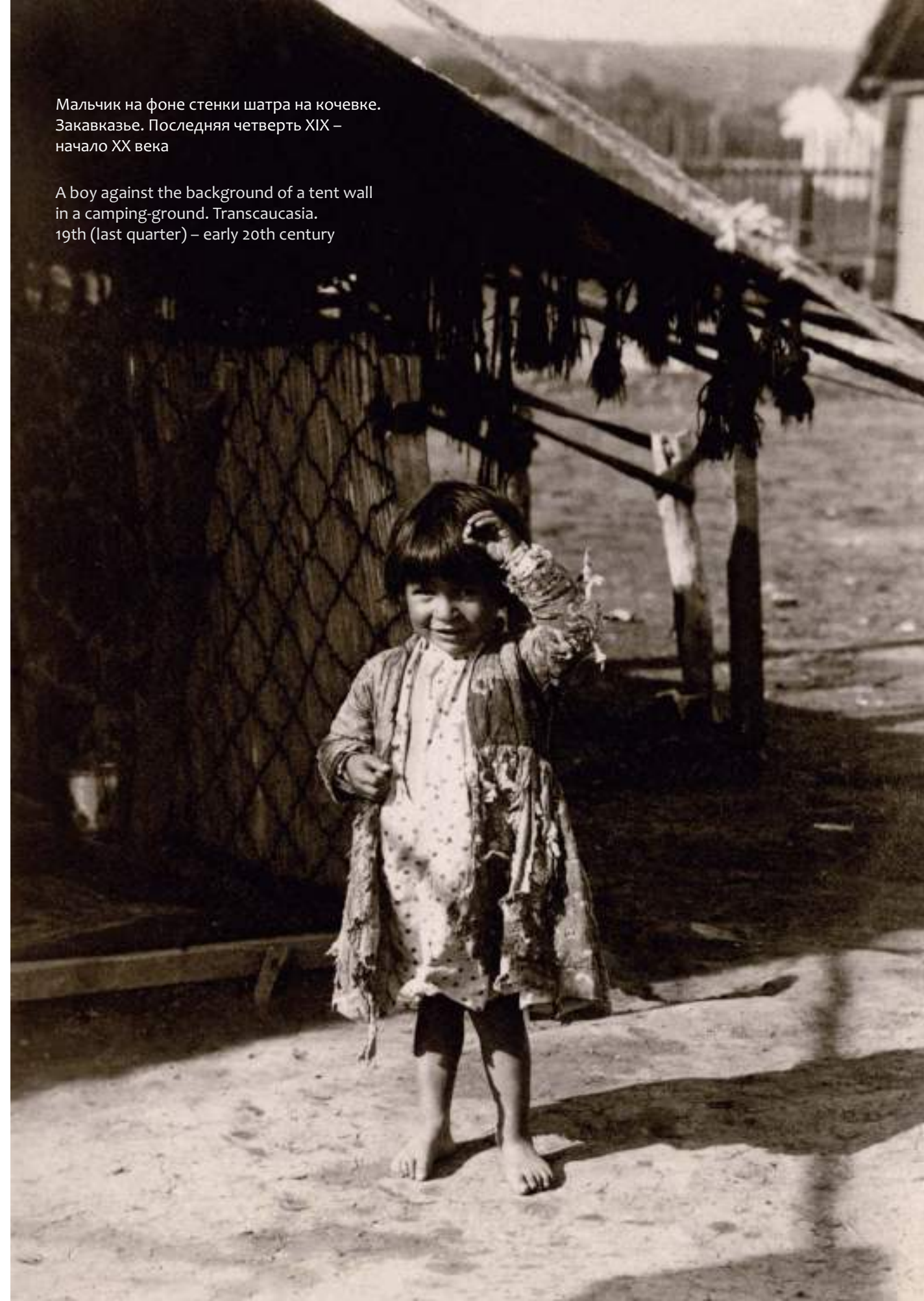

Нищий. Закавказье. 1904
A beggar. Transcaucasia. 1904

Мальчик на фоне стенки шатра на кочевке.
Закавказье. Последняя четверть XIX –
начало XX века

A boy against the background of a tent wall
in a camping-ground. Transcaucasia.
19th (last quarter) – early 20th century

Свекор-терекеме и его невестка-курдянка.
Деревня Субатан, провинция Карс, Турция
В деревне Субатан и соседних селах совместно проживают курды, терекеме и «местные», существует большое число межнациональных браков. Младшее поколение курдов уже не говорит по-курдски.

A Terekeme father-in-law and his Kurdish daughter-in-law.
The village of Subatan. Kars Province, Turkey
Mixed marriages are quite common in Subatan and the surrounding villages, inhabited by Kurds, Terekeme and "natives". Members of the younger generation of the Kurds do not speak Kurdish any longer.

Мытье шерсти для матрасов. Село Эсенкент,
провинция Карс, Турция
Курдов считают самым многодетным народом в регионе. Сами они говорят, что с появлением контрацептивов детей в семьях стало меньше. У этой женщины – девять братьев и сестер.

Washing the wool for mattresses.
The village of Esenkent. Kars Province, Turkey
Kurds are believed to have the largest families in the region. They themselves say that the availability of contraceptives has reduced the number of children in their families. This woman has nine siblings.

Село Оджаклы, расположенное у развалин древнего города Ани. Провинция Карс, Турция
The village of Ocaklı near the ruins of the ancient town of Ani. Kars Province, Turkey

Село Эсенкент. Провинция Карс, Турция
The village of Esenkent. Kars Province, Turkey

Общественных молитв у езидов нет; поэтому у них не существует и мечетей. Молиться можно на каком угодно месте, лишь бы оно было чистое. Езидам закон предписывает молиться два раза в день: утром, вставая, и вечером, перед отходом ко сну. (...) Женщины и девушки езидов не закрывают лица и не избегают посторонних мужчин, а напротив, любят с ними поболтать и пошутить, но держат себя вообще скромно.
Янович Ф. Очерки Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отд. 1. С. 19, 23, 25.

The Yazidis have no common players and hence no mosques. One can pray anywhere, so long as the place is clean. The Yazidis have to pray twice a day, in the morning, when one has just got up, and in the evening, before going to bed. [...] Yazidi women and girls do not cover their faces, nor do they eschew strangers; on the contrary, they enjoy talking and joking with the latter while generally behaving in modest manner.
F. Yanovich. *Essays on the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1904. Issue 34. Section 1. Pp. 19, 23, 25.

Группа людей в праздничной одежде. Езиды.
Село Гозлуджа (Козлуджа). Карсская область. 1912

A group of people in festive attire. Yazidis.
The village of Gozluca (Kozluca). Kars Province. 1912

Круговой танец. Езиды. Село Гозлуджа (Козлуджа). Карсская область. 1912
На заднем плане – развалины армянского монастыря Багнайр.

Round dance. Yazidis. The village of Gozluca (Kozluca). Kars Province. 1912
In the background: the ruins of Bagnayr, an Armenian cloister.

Оказывается, что езиды переселились в Карсскую область в 1879–1882 годах из Баязетского пашалыка под руководством Омар-аги-Ибрагим ага-оглы. Ушли они из Турции вследствие притеснений, которые им приходилось терпеть от турецких курдов. (...) Сами езиды говорят о своей религии неохотно. (...) религия езидов представляет какую-то смесь христианства, магометанства и даже язычества. (...) Языческая сторона их учения заключается, во-первых, в почитании солнца и четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня, а, во-вторых, в почитании фетиша, которого они называют Мелик-э-Тауз, что значит Высочайший Ангел. Это есть не что иное, как изображение отпавшего ангела. (...) Янович Ф. Очерки Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отд. 1. С. 19, 23, 25.

It appears that the Yazidis moved to the Kars Province in 1879-82 from the Bayazet pashalyk under Omar-aga-Ibrahim aga-ogly, of the persecutions they had had to suffer from the Turkish Kurds. [...] The Yazidis themselves are reluctant to talk about their religion. [...] The Yazidi religion seems to be a mixture of Christianity, Islam and even paganism. [...] The pagan aspect of their faith, consists, first, in worshipping the sun and the four elements, i.e. earth, water, air and fire, and secondly, in worshipping melik-e-Tauz, which mean Supreme Angel. This is none other than the fallen angel.
F. Yanovich. *Essays on the Kars Province*. In: Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes. Tiflis, 1904. Issue 34. Section 1. Pp. 19, 23, 25.

Состоятельная горожанка.
Александрополь (?)
Последняя четверть XIX –
начало XX века

A well-to-do
townswoman.
Alexandropol (?).
19th (last quarter) –
early 20th century

АРМЯНЕ ARMENIANS

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

1
Ахалцихе
Akhaltzikhe

Ахалкалаки
Akhalkalaki

Артвин
Artvin

4 Ардаган
Ardahan

Ацкури	1	Atskuri
Арденис	2	Ardenis
Ани	3	Ani
Бюльбюлан	4	Bülbülân
Хопа	5	Hopa

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Карс
Kars

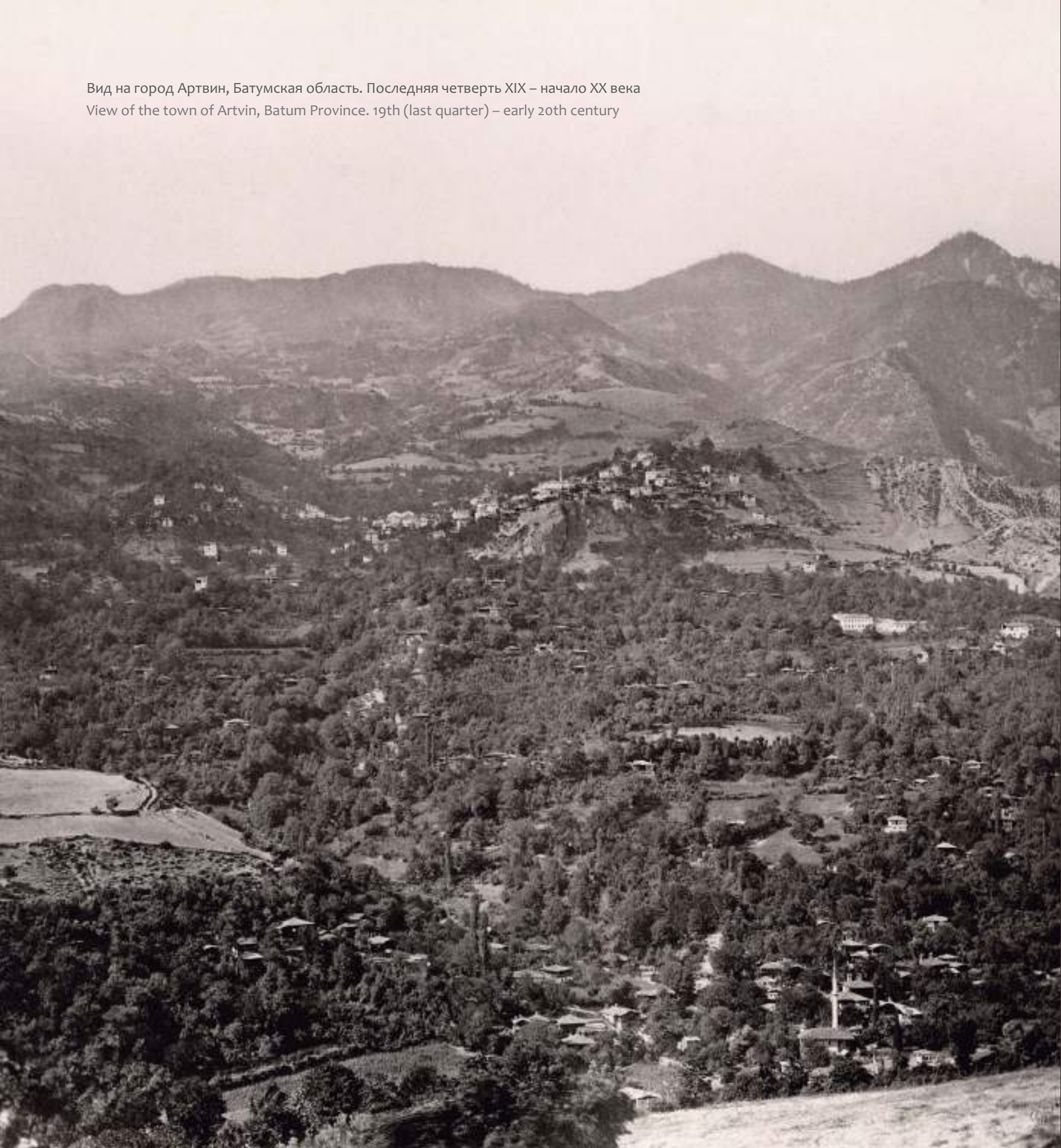
Гюмри
Gyumri

РЕСПУБЛИКА
АРМЕНИЯ
REPUBLIC of
ARMENIA

Вид на строящуюся ГЭС Юсуфели и город Артвин, Турция
View of the Yusufeli hydropower station under construction and the town of Artvin, Turkey

Вид на город Артвин, Батумская область. Последняя четверть XIX – начало XX века
View of the town of Artvin, Batum Province. 19th (last quarter) – early 20th century

...склоны сплошь покрыты фруктовыми садами и виноградниками
...slopes are covered with orchards and vineyards

Артвин со своими чудными окрестностями расположен в виде амфитеатра на каменной горе, склоны которой покрыты толстым слоем чернозема, под которым лежит суглинистая почва. Все склоны сплошь покрыты фруктовыми садами и виноградниками, каштановыми и оливковыми рощами. (...) Среди этого царства садов сгруппированы двух-, трех- и даже четырехэтажные дома артвинских жителей, кажущиеся белоснежными гнездами.

Слово «Артвин», по мнению здешних старожилов, образовалось из двух слов: «ард» и «Двин», т.е.: новый Артвин («ард» на армянском языке означает «новый» и «Двин» – название города). В период процветания армянского царства в Армении славился город Двин, но, так как жители его не раз подвергались разорению со стороны персов, арабов, турок и даже со стороны греков, многие из них оставили свою родину и на левом берегу реки Чороха, где теперь Артвин, основали свою колонию. (...) Другие старожилы рассказывают об Артвине следующее: на правом берегу Чороха, где теперь стоит селение «Свети-бари», жили два брата: Арутин и Ливанэ. Следуя раз за стадом своих коз, они сначала увидели каменный мост, устроенный в виде арки над Чорохом, а потом, двигаясь вперед, открыли старинную христианскую церковь на том месте, где в настоящее время расположена одна из частей Артвина (...). Открытая вышесказанными пастухами местность до того понравилась жителям «Свети-бари», что многие из них переселились туда и основали новую колонию, назвав ее Артвином в честь старшего брата-пастуха, Арутина. Но турки до сих пор называют Артвин «Ливанэ».

Мачавариани К. Город Артвин, Кутаисской губернии. Путевые очерки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. 2. С. 8, 9, 13.

Artvin with its marvellous outskirts is situated in a staggered formation on a stony mountain, whose slopes are covered with a thick layer of black soil with loamy soil underlying it. All slopes are covered with orchards and vineyards, chestnut and olive groves. [...] Nestling amid this green kingdom are clusters of snow-white two-, three- and even four-storey houses of Artvin townfolk.

The placename Artvin, according to local old-timers, was formed from two words, 'ard' and 'dvin', the former being the Armenian for 'new' and 'dvin' the name of a town. During the heyday of the Armenian kingdom the town of Dvin was prominent, but, because it was devastated more than once by the Persians, Arabs, Turks and even Greeks, many of its inhabitants left their homeland and founded a colony on the left bank of the Çoroh, on the site of the present-day Artvin. [...] Other old-timers tell this about Artvin: on the right bank of the Çoroh, where the village of Sveti-bari is now located, lived two brothers, Arutin and Livane. One day, while herding their goats, they first saw an arch-shaped masonry bridge over the Çoroh and then, walking on, discovered an ancient Christian church where part of Artvin is situated today [...]. The locality discovered by the two shepherds appealed to the people of Sveti-bari so much that many of them settled there and thus founded a new colony calling it Artvin in honour of the elder brother, Arutin. The Turks, however, still call Artvin "Livane".

K. Machavariani. *The Town of Artvin in the Kutaisi Province*. Travel Notes. In: Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes. Tiflis, 1904. Issue 22. Section 2. Pp. 8, 9, 13.

Купец. Село Ацхур (Ацкури),
Тифлисская губерния.
Последняя четверть XIX –
начало XX века

A merchant. The village of
Atskuri, Tiflis Province.
19th (last quarter) – early
20th century

Мужчины.
Александрополь,
Эриванская губерния.
Последняя четверть XIX –
начало XX века

Men. Alexandropol,
Erivan Province.
19th (last quarter) – early
20th century

Молодая женщина.
Ардаган (?), Карсская область.
Последняя четверть XIX –
начало XX века

A young woman. Ardahan (?),
Kars Province. 19th (last
quarter) – early 20th century

Группа женщин. Карс. Конец XIX – начало XX века
A group of women. Kars. Late 19th – early 20th century

Состоятельные горожанки-армянки. Артвин, Батумская область. Последняя четверть XIX – начало XX века
Well-to-do Armenian townswomen. Artvin, Batum Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Подготовка к ткацким работам. Артвин, Батумская область. Последняя четверть XIX – начало XX века
Preparation for weaving. Armenians. Artvin, Batum Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Мало-мальски состоятельные женщины так заняты домашним хозяйством, что им некогда заниматься рукоделием, и свои подобные работы они больше отдают бедным женщинам...
Мачавариани К. Город Артвин Кутаисской губернии. Путевые очерки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. 2. С. 34.

Those women who are more or less well-off are so busy with their household chores that they have no time for handicrafts, therefore they entrust work of this kind to poorer women...
K. Machavariani. *The Town of Artvin in the Kutaisi Province. Travel Notes*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1897. Issue 22. Section 2. P. 34.

... не так еще давно город Ахалцихе лежал на пути караванной торговли; здесь же проходила так называемая большая транзитная дорога в Персию, а близость границы делала его значительным торговым пунктом двух соседних государств – России и Турции; благодаря тому же соседству, он был местом обширной и бойкой контрабандной торговли. Патриархальные же потребности и условия жизни прежнего азиатского города и промышленного центра создали в нем значительные и разнообразные цехи ремесленников, а потому Ахалцихе был одним из бойких уездных городов западной части Закавказья. (...) Но, вследствие проведения Поти-Тифлиской железной дороги и вследствие отдаления от границы с последней Русско-турецкой войны, торговля Ахалцихе ушла... (Иванов В. Город Ахалцихе Тифлиской губернии// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. Отд. 1., С. 195)... армяне, грузины и евреи составляют преобладающее население Ахалцихе; все же остальные народности, в общей сложности, составляют лишь 335 чел. обоего пола (Там же. С. 208).

... not long ago the town of Akhaltsikhe lay on the trading routes; what was known as the great transit route to Persia ran nearby while the proximity to the border made it an important trading centre for two neighbouring states, Russia and Turkey; enter for extensive and brisk smuggling. The patriarchal needs and life styles of the former Asiatic town and industrial centre gave rise to a wide range of artisans' workshops, making Akhaltsikhe into a busy provincial town in western Transcaucasia. [...] However, as a result of the construction of the Poti-Tiflis railway and because of its remoteness from the border since after the recent Russo-Turkish war, the commerce in Akhaltsikhe declined. [...] Armenians, Georgians and Jews make up the bulk of Akhaltsikhe's population; indeed, other tribes total a mere 335 people of both sexes.

V. Ivanov. *The town of Akhaltsikhe in the Tiflis Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1889. Issue 7. Section 1. Pp. 195, 208

Вид на крепость города Ахалцихе, Тифлисская губерния. Последняя четверть XIX – начало XX века

View of the Akhaltsikhe citadel, Tiflis Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Ахалцихе, Тифлисская губерния. Последняя четверть XIX – начало XX века
Akhaltsikhe, Tiflis Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Лавашная. Ахалцихе, Тифлисская губерния. Последняя четверть XIX – начало XX века
Lavash bakery. Akhaltsikhe, Tiflis Province. 19th (last quarter) – early 20th century

Семейная пара из католического села Схвилиси (бывшее Суфлис). Окрестности Ахалцихе, Грузия
Это село является крупным поставщиком картофеля для всей Грузии.

A married couple from the Catholic village of Skhvilisi (formerly Sufli). Near Akhaltsikhe, Georgia
This village is a major supplier of potatoes throughout Georgia.

Семейная пара. Ахалцихе, Грузия
A married couple. Akhaltsikhe, Georgia

Алтарные части церквей
The altar parts of the Churches

Рабатская церковь в селе Буланьк, построенная предположительно в X – XI веках при Багратидах. Провинция Артвин, Турция
Rabat church in the village of Bulanik, built presumably under the Bagratides in the tenth or eleventh century. Artvin Province, Turkey

Село Арденис (бывшее Гёллю) населено армянами-переселенцами из Грузии (потомками армян из окрестностей Карса и Эрзерума, отошедших к Турции), перебравшимися сюда 25 лет назад после того, как из села уехали азербайджанцы. На переднем плане – азербайджанское кладбище. В селе есть и армянское кладбище, на котором похоронено только три человека, так как до последнего времени предпочитали покойных хоронить в Грузии.

The village of Ardenis (the former Gyollu) is inhabited by Armenian settlers from Georgia (descendants of the Armenians who used to inhabit the outskirts of Kars and Erzerum annexed to Turkey) who moved here 25 years ago, when the village was abandoned by the Azerbaijanis. In the foreground: an Azerbaijani cemetery. The village also has an Armenian cemetery, where only three people are buried, because until recently Armenians preferred to bury their dead in Georgia.

Село Арденис. Область Ширак, Армения
The village of Ardenis. Shirak Province, Armenia

Внизу оврагов, окружающих Ани, в рыхлой песчанниковой почве устроены многочисленные пещеры, отчасти полуразвалившиеся. Во многих из них курды и татары прячут свой скот во время непогоды.

Девицкий В. Каникулярная поездка по Эриванской губернии и Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1896. Вып. 21. Отд. 1. С. 154.

At the bottom of the ravines surrounding Ani there are numerous caves, partially decayed, in the crumbly gritstone. Some of them are used by the Kurds and Tatars for sheltering their cattle from foul weather.

V. Devitsky. *A Vacation Trip through the Erivan Gubernia and the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1896. Issue 21. Section 1. P. 154.

Окрестности древнего города Ани. Провинция Карс, Турция
The outskirts of the ancient town of Ani. Kars Province, Turkey

Кафедральный собор Святой Девы в древнем городе Ани. X–XI века. Провинция Карс, Турция
Cathedral of the Holy Virgin in the ancient town of Ani. 10th-11th centuries. Kars Province, Turkey

Когда был основан город Ани – неизвестно. Предание, однако, говорит, что он существовал уже до принятия армянами христианства. Это предание, между прочим, рассказывает о том, что в Ани находился храм и статуя богини Анаиты, покровительницы языческой Армении, и что будто бы по имени этой богини город получил и свое настоящее название. (...)

Рассказывают, что анийцы имели для проповедников два наоя: низкий и высокий. Когда являлся в город какой-нибудь проповедник, священник или монах, высокого роста, то ему ставили низкий налой; если же проповедник был низкого роста, ему ставили налой высокий. Особенно анийцы посмеялись над известным проповедником, писателем Иоанном, который будто проклял город, и последний погиб от землетрясения; спасшиеся жители разбежались в разные стороны. Таким образом, по этой легенде, Ани погиб от той же самой причины, от которой погибли давным давно многие богатые города когда-то сильных и могущественных народов, исчезнувших теперь с лица земли.

Янович Ф. Очерки Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отд. 1. С. 73, 79.

... здесь есть на что посмотреть. Многие постройки сохранились настолько хорошо, что можно судить и о стиле того времени, об образе жизни и быте древних армян. Лучше всего сохранились стены и башни, церкви, царские или княжеские палаты и крупные казенные здания; дома же простых и небогатых людей пришли в полное разрушение, и от них остались кучи камней и земли или видны фундаменты, да и то не везде, так как густая и высокая трава разрослась теперь всюду, где когда-то мучились люди в никогда не прерывающейся борьбе за жалкое существование.

Девицкий В. Из поездок по Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 38. Отд. 1. С. 243, 244.

It is unknown when the town of Ani was founded. However, according to legend, it existed even before the adoption of Christianity by the Armenians. Moreover, as the legend goes, Ani used to have a church dedicated to, and the statue of, the goddess Anaïta, the patroness of pagan Armenia, and that the town is named for this goddess (...)

They say that the Ani townsfolk had two podiums for the preaches, a high one and a low one. If a tall minister, priest or monk visited the town, they offered him the low podium, and if the preacher happened to be short, they offered him the tall podium. However, the townsfolk decided to play a joke on a famous preacher, the writer John, who then cursed the town so that it was destroyed in an earthquake; the survivors ran every which way. Ani, therefore, was believed to have perished for the same reason as many rich towns ages before, so that once strong and powerful nations had been wiped off the face of the earth.

F. Yanovich. *Essays on the Kars Province*. In: Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes. Tiflis, 1904. Issue 34. Section 1. Pp. 73, 79.

... there is a lot to see here. Many structures are so well preserved that they offer an insight into the architectural style of their epoch as well as into the life style and everyday practices of ancient Armenians. Best preserved are the towers and walls, the churches, the royal or princely quarters and large administrative buildings. At the same time, the houses of ordinary and humble people are completely ruined; what remains of them is just piles of debris and earth; some foundations are discernible, but these are scarce because thick and tall grass has invaded every place where people once had to endure a never-ending struggle for their pitiful existence.

V. Devitsky. *From the Trips through the Kars Province*. In: Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes. Tiflis, 1904. Issue 38. Section 1. Pp. 243, 244.

Лазские армяне омусульманились и, как я слышал, от лазов, говорят каким-то для них непонятным языком (вероятно, армянским); они известны склонностью к торговым занятиям. Бакрадзе Д. Заметки о Батумской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VI. 1880. № 2. С. 160.

The Laz Armenians have adopted Muslim ways and, as I heard from the Laz, speak an incomprehensible tongue (perhaps Armenian); they are known to have a propensity for commerce. D. Bakradze. Notes on the Batum Province. In: Бакрадзе д. Заметки о Батумской области // Proceedings of the Caucasus Section of the Russian Imperial Geographic Society. Vol. VI. 1880. № 2. P. 160.

Яйла Бюльбюлан. Хемшины. Провинция Ардаган, Турция

Эта пожилая пара между собой говорит по-хемшински, внучка понимает этот язык, но не говорит. Они живут в районе города Хопы, в Бюльбюлане у них яйла. Поскольку животных они больше не держат, то сюда приезжают летом как на дачу, как и их соседи (из сорока проживающих тут семей только пять-шесть держат скот). До проведения границы с СССР их пастбища находились в окрестностях Батуми.

Bülbülan Yayla. Hemshins. Ardahan Province, Turkey
This elderly couple speak Hemshinian with each other, and their granddaughter, who can understand their language, does not speak it herself. They live in the vicinity of the town of Hopa and own a yayla in Bülbülan. As they do not keep cattle any more, they use the place as a summer retreat, and so do their neighbours (only five or six families out of the forty living here still keep cattle). Before the demarcation with the USSR their pastures lay on the outskirts of Batumi.

Дорога на яйлу Бюльбюлан. Провинция Ардаган, Турция
The road to Bülbülan yayla. Ardahan Province, Turkey

Интерьер летнего дома на яйле Бюльбюлан. Хемшины. Провинция Ардаган, Турция
The interior of a summer home at Bülbülan yayla. Hemshins. Ardahan Province, Turkey

В этом доме живут четыре брата хемшина со своими семьями; на каждом этаже по отдельной квартире, а внизу – хлев. Трое из четырех – дальнобойщики. На прилегающем участке они выращивают чай, для уборки которого нанимают рабочих из Грузии. В Армении хемшин считают исламизированными армянами. Сами хемшины не идентифицируют себя с армянами, хотя и признают близость языка. По культуре наиболее близким для себя народом считают лазов.

This house is shared by four Hemshin brothers and their families: there is a separate apartment on each floor and a cattle shed downstairs. Three of the brothers are cargo vehicle drivers. They grow tea on the adjoining allotment and employ farm hands from Georgia to pluck it. In Armenia, the Hemshins are regarded as Islamized Armenians. The Hemshins themselves do not identify with Armenians while recognizing the similarity of their languages. They believe the Laz to be their closest relatives in terms of culture.

Дом в окрестностях города Хопа. Провинция Артвин, Турция
A house on the outskirts of the town of Hopa. Artvin Province, Turkey

Духобор. Русские. Закавказье.
Конец XIX – начало XX века

A Dukhobor ("Spirit Wrestler").
Russians. Transcaucasia.
Late 19th – early 20th century

РУССКИЕ RUSSIANS

ЧЕРНОЕ МОРЕ
BLACK SEA

ГРУЗИЯ
GEORGIA

Ахалкалаки
Akhalkalaki

Орловка ● Гореловка
Orlovka ● Gorelovka

Ардаган
Ardahan

Арпачай
Ağrıçay

Гюмри
Gyumri

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
REPUBLIC of TURKEY

Карс
Kars

РЕСПУБЛИКА
АРМЕНИЯ

REPUBLIC of
ARMENIA

...ЗИМЫ СТРАШНО ДОЛГИ
...these long winters

... русская колонизация Карсской области идет как-то вяло; русских в области наберется не больше тысяч 12. (...) Разговорился я с хозяином за чайком о житье-бытье русских переселенцев. Пришлось услышать жалобы, что живется им тут плоховато в сравнении с прежним местожительством в Тифлисской губернии, потому что зимы страшно долги, тянутся месяцев по семи, отчего хлеб не всегда успевает вызревать. Во время долгой зимы скот приходится кормить дома, так что с трудом хватает больших даже запасов сена. (...) Почти каждый молоканин имеет один или несколько фургонов, с которыми он и уходит из дому, главным образом зимою, для перевозки товаров. (...) Все русские поселки резко отличаются от туземных: их можно узнать уже издали по типу построек и правильности расположения.

Девицкий В. Каникулярная поездка по Эриванской губернии и Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1896. Вып. 21. Отд. 1. С. 131, 133.

Русские переселенцы состоят преимущественно из сектантов: молокан, прыгунов, субботников и духоборов. Православных до 1900 года было очень мало. В настоящее время менее всего духоборов, большая часть которых оставила свои насиженные места и отправилась искать счастья в далекой Америке. (...) Среди русских переселенцев есть много малорусов (так! – Е.Г.), которые не столько отличаются по своему внешнему виду от других русских, сколько по наречию. Вообще характер, нравы, обычаи и образ жизни здешних русских различны, смотря по тем губерниям, из которых эти переселенцы вышли. Занимаются они главным образом земледелием и отчасти извозом.

Янович Ф. Очерки Карсской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отд. 1. С. 151, 152.

... The Russian colonization of the Kars Province has been progressing at a slack pace; there are no more than twelve thousand Russians in the Kars Province. [...] I engaged in a conversation with the host over a cup of tea about the life and ways of Russian settlers. I had to listen to a number of complaints about how life was hard there compared to their former place of residence in the Tiflis Gubernia, because the winters here are terribly long, lasting up to seven months, and that is why the crops sometimes just don't harvest. During these long winters the cattle needs feeding, and the hay, no matter how plentiful, hardly suffices. [...] Almost every Molokan has at least one wagon with which he leaves home, mainly in winter, so as to scrape a living out of carting. [...] All Russian villages differ drastically from those of the native population, readily distinguished as they are by the types of structures and regular layout. V. Devitsky. *A Vacation Trip through the Erivan Gubernia and the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1896. Issue 21. Section 1. Pp. 131, 133.

The Russian settlers are mostly sectarians: Molokans, Jumpers, Subbotniks, and Dukhobors. Russian Orthodox believers were few before 1900. At present the least numerous group is that of the Dukhobors who chiefly left their homes in search of a better fortune and set out to faraway America. [...] There are many Malorus [sic] among the Russian settlers; they are distinguished from other Russians not so much by their appearance as by their dialect. Generally speaking, the character, morals, customs and life style of the local Russians are determined by where they come from. They mostly make a living out of agriculture, but also out of carting.

F. Yanovich. *Essays on the Kars Province*. In: *Collection of Materials for the Description of Caucasus Localities and Tribes*. Tiflis, 1904. Issue 34. Section 1. Pp. 151, 152.

Бывшая православная церковь св. Александра Невского, перестроенная в мечеть Фетхие-джами («мечеть победы»). Карс, Турция

The former Russian Orthodox church of St. Alexander Nevsky rebuilt as the Fethiye-Jami Mosque [‘Victory Mosque’]. Kars, Turkey

Часовня св. Архистратига Михаила на «Холме чести». Гюмри, Армения
Chapel of St Michael on the Hill of Honour. Gyumri, Armenia

Кубанские казаки.
Батумская область. 1878

Kuban' Cossacs.
Batumi Province. 1878

Духоборы д. Погореловка.
Последняя четверть
XIX – начало XX века

Dukhobors. The village
of Pogorelovka.
19th (last quarter) – early
20th century

Молокане. Закавказье. Последняя четверть XIX – начало XX века
Molokans. Transcaucasia. 19th (last quarter) – early 20th century

Духоборы. Закавказье. Последняя четверть XIX – начало XX века
Dukhobors. Transcaucasia. 19th (last quarter) – early 20th century

Окрестности села Гореловка, Грузия
Outskirts of the village of Gorelovka, Georgia

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ

Коллекция 213 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 213-6 (с. 88), 213-76 (с. 237), 213-85 (с. 271), 213-106 (с. 273), 213-108 (с. 150), 213-161 (с. 51), 213-177 а (с. 137), 213-177 b (с. 136), 213-187 а (с. 54), 213-187 b (с. 53), 213-187 с (с. 52), 213-204 (с. 229), 213-215 (с. 272)	Коллекция 5355 Неизвестный фотограф, альбом «Воспоминания о Батуме» 5355-9 (с. 30, 31), 5355-13-2 (с. 32, 33)	8764-6411 (с. 228), 8764-6422-2 (с. 183), 8764-6555 (с. 234, 235)
Коллекция 494 Фотограф А.С. Пиралов. 1904 494-48 (с. 212)	Коллекция 5366 Неизвестный фотограф, «Альбом типов и видов Батумской области». 1878 5366-25 (с. 138), 5366-26 (с. 50), 5366-27 (с. 270), 5366-44 (с. 182), 5366-54 (с. 116), 5366-56 (с. 114, 115)	Коллекция 8850 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 8850-184 (с. 44), 8850-189 (с. 98), 8850-190 (с. 99), 8850-192 (с. 264)
Коллекция 1381 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 1381-35 (с. 139)	Коллекция 5928 Неизвестный фотограф. Первая половина XX века 5928-7 (с. 42), 5928-9 (с. 14, 15), 5928-10 (с. 232), 5928-11 (с. 233)	Коллекция 8855 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 8855-12 (с. 199), 8855-6 (с. 213)
Коллекция 2680 Фотограф А. Лорис-Калантар. 1912 2680-27 (с. 8, 9), 2680-29 (с. 218), 2680-30 (с. 219), 2680-31 (с. 220, 221)	Коллекция 9042 Неизвестный фотограф. Первая половина XX века 9042-17 (с. 64), 9042-35 (с. 74, 75), 9042-42 (с. 103 низ)	Коллекция 9909 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 9909-116 (с. 250, 251)
Коллекция 3317 Фотограф А.А. Миллер. 1912 3317-2 (с. 236)	Коллекция 6393 Неизвестный фотограф. 1877 6393-20 (с. 151)	Коллекция 9942 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 9942-2 (с. 175), 9942-3 (с. 174)
Коллекция 4500 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 4500-39 (с. 226), 4500-47 (с. 2, 3), 4500-49 (с. 194), 4500-50 (с. 192, 193), 4500-56 (с. 164, 165), 4500-57 (с. 172, 173), 4500-64 (с. 162, 163), 4500-67 (с. 11), 4500-75 (с. 48), 4500-77 (с. 49)	Коллекция 6456 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 6456-13 (с. 134, 135), 6456-17 (с. 149), 6456-19 (с. 146), 6456-20 (с. 147)	Коллекция 9943 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 9943-35 (с. 41)
Коллекция 5307 Фотограф Д. Никитин. 1891 5307-49 (с. 40), 5307-61 (с. 208)	Коллекция 6487 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века 6487-1 (с. 209), 6487-4 (с. 210, 211)	Коллекция Ф 89 Фотограф Д.И. Ермаков. Последняя четверть XIX – начало XX века Ф 89-81 (с. 231)
Коллекция 5315 Неизвестный фотограф. 1888 5315-74 (с. 222)	Коллекция 6505 Неизвестный фотограф. Конец XIX – начало XX века 6505-3 (с. 96)	Коллекция Ф 253 Фотограф В. Хечинов. 1914 Ф 253-1 (с. 100, 101), Ф 253-4 (с. 103 верх), Ф 253-5 (с. 102), Ф 253-8 (с. 95), Ф 253-11 (с. 136), Ф 253-15 (с. 94)

INDEX OF HISTORICAL PHOTOGRAPHS

Collection 213 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 213-6 (p. 88), 213-76 (p. 237), 213-85 (p. 271), 213-106 (p. 273), 213-108 (p. 150), 213-161 (p. 51), 213-177 а (p. 137), 213-177 b (p. 136), 213-187 а (p. 54), 213-187 b (p. 53), 213-187 с (p. 52), 213-204 (p. 229), 213-215 (p. 272)	Collection 5355 Photographer unknown, the <i>Memories of Batum</i> album 5355-9 (pp. 30, 31), 5355-13-2 (pp. 32, 33)	Collection 8850 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 8850-184 (p. 44), 8850-189 (p. 98), 8850-190 (p. 99), 8850-192 (p. 264)
Collection 494 Photographer A.S. Piralov. 1904 494-48 (p. 212)	Collection 5366 Photographer unknown, <i>Album of Types and Sights of Batumi District</i> . 1878 5366-25 (p. 138), 5366-26 (p. 50), 5366-27 (p. 270), 5366-44 (p. 182), 5366-54 (p. 116), 5366-56 (pp. 114, 115)	Collection 8855 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 8855-12 (p. 199), 8855-6 (p. 213)
Collection 1381 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 1381-35 (p. 139)	Collection 9042 Photographer unknown. 20th (first half) century 9042-17 (p. 64), 9042-35 (pp. 74, 75), 9042-42 (p. 103, low)	Collection 9909 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 9909-116 (pp. 250, 251)
Collection 2680 Photographer A. Loris-Kalantar. 1912 2680-27 (pp. 8, 9), 2680-29 (p. 218), 2680-30 (p. 219), 2680-31 (pp. 220, 221)	Collection 5928 Photographer unknown. 20th (first half) century 5928-7 (p. 42), 5928-9 (pp. 14, 15), 5928-10 (p. 232), 5928-11 (p. 233)	Collection 9942 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 9942-2 (p. 175), 9942-3 (p. 174)
Collection 3317 Photographer A.A. Miller. 1912 3317-2 (p. 236)	Collection 6393 Photographer unknown. 1877 6393-20 (p. 151)	Collection 9943 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 9943-35 (p. 41)
Collection 4500 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 4500-39 (p. 226), 4500-47 (pp. 2, 3), 4500-49 (p. 194), 4500-50 (pp. 192, 193), 4500-56 (p. 164, 165), 4500-57 (pp. 172, 173), 4500-64 (pp. 162, 163), 4500-67 (p. 11), 4500-75 (p. 48), 4500-77 (p. 49)	Collection 6456 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 6456-13 (pp. 134, 135), 6456-17 (p. 149), 6456-19 (p. 146), 6456-20 (p. 147)	Collection Ф 89 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century Ф 89-81 (p. 231)
Collection 5307 Photographer D. Nikitin. 1891 5307-49 (с. 40), 5307-61 (с. 208)	Collection 6487 Photographer D.I. Yermakov. 19th (last quarter) – early 20th century 6487-1 (p. 209), 6487-4 (pp. 210, 211)	Collection Ф 253 Photographer V. Khechinov. 1914 Ф 253-1 (pp. 100, 101), Ф 253-4 (p. 103, top), Ф 253-5 (p. 102), Ф 253-8 (p. 95), Ф 253-11 (p. 136), Ф 253-15 (p. 94)
Collection 5315 Photographer unknown. 1888 5315-74 (p. 222)	Collection 6505 Photographer unknown. Late 19th – early 20th century 6505-3 (p. 96)	Collection 8764 Photographer unknown. 20th (last third) century 8764-6411 (p. 228), 8764-6422-2 (p. 183), 8764-6555 (pp. 234, 235)

ПЕРЕВАЛЫ ВРЕМЕНИ: БАТУМИ-КАРС

In the PASSES of TIME: BATUMI-KARS

Проект «Разная земля». Том V

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт», Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15